

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

Расправа

РОМАН В ТРЁХ ЧАСТЯХ

Владимир Владыкин

Расправа. Роман в трёх частях

«Издательские решения»

Владыкин В.

Расправа. Роман в трёх частях / В. Владыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743880-7

Роман В. А. Владыкина «Расправа» остросюжетный, в трёх частях, написан в жанре хроники. Действия происходят в разных областях и ретроспективно охватывают большой отрезок времени. Он повествует о талантливом педагоге, учителе первой категории, награждённом Грамотой Министерства просвещения РФ. Но в школе происходят события, которые несовместимы со званием педагога. И учитель географии Анна Севостьяновна вступила в борьбу за нравственную и моральную чистоту в коллективе, за что и поплатилась.

ISBN 978-5-44-743880-7

© Владыкин В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Выбор сделан	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Расправа Роман в трёх частях

Владимир Владыкин

Фотограф Александр Владимирович Коньков

© Владимир Владыкин, 2017

© Александр Владимирович Коньков, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-3880-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Выбор сделан

Глава 1

С началом учебного года в школе как будто всё шло привычно; в коридорах, классах, кабинетах ещё витали запахи цветов. Атмосфера стояла торжественная и праздничная. Учителя только приходили в себя после летних отпусков, и ещё не очень охотно втягивались в занятия с учащимися.

А когда они видели учителя географии Анну Севостьяновну Шелкову, они тотчас менялись и старались её избегать. Но далеко не все, многие здоровались, выражали взглядами сочувствие и старались не задерживаться с ней, боясь, что их увидит начальство.

Она особенно почувствовала на себе косые взгляды тех коллег, которые её не поддерживали. Но её это не очень настораживало, поскольку к такому повороту она была готова. Зато учащиеся старших классов, улавливая недружественный настрой некоторых учителей против неё, приветствовали Шелкову весело и радостно...

Весь прошлый год на правах члена школьного партийного бюро она боролась с якобы незаконным присвоением звания «Отличник образования», рукоприкладством учителей, процентоманией...

Но в разгар перестройки партийная критика, с помощью которой она до этого успешно боролась с недостатками, уже почти не действовала.

А по школе ходил нелепый слух, дескать, на это она бы не решилась, если бы её муж, бывший прославленный партизан, не возглавлял областное управление профтехобразования. И она якобы была на него обижена из-за того, что он не продвинул её в директоры школы. И тогда она решила ему доказать, что нужного результата добьётся сама и для достижения цели вот и воспользовалась теми неблагоприятными школьными явлениями.

В конце прошлого учебного года она написала (районному, городскому и областному начальству) несколько писем о том, что в школе процветает процентомания, нарушается учебный процесс, продолжают оскорбления учащихся, рукоприкладство, незаконное присвоение учителям звания «Отличника просвещения». Если с этими недостатками не бороться, то к чему они приведут?

Директор Крутикова и завуч Безножнина и не думали ничего устранять, они были уверены, что Шелкова клеветала, пользуясь своей партийной властью. Но та искренне считала, что Крутикова создала своих любимчиков и неприкасаемых, а значит, и почву для злоупотреблений. Знали это все. И только Анна Севостьяновна не могла с этим мириться.

А все слухи о том, что она якобы сделала всё, чтобы спихнуть ещё до Крутиковой бывшего директора Сидорову, и метила сесть на её место, было полной выдумкой.

Анна Севостьяновна была не из тех, чтобы директора назначали по знакомству; она искренне считала: если педагог заслуживал кресла руководителя, то это должно произойти только за его заслуги и организаторские способности...

Однако почти все её жалобы попадали в цель, хотя к снятию директора Сидоровой она была не причастна. Это произошло независимо от неё, так как плановые проверки областной комиссии вскрывали нарушения учебного процесса и неожиданно открылся вопиющий личный проступок, несовместимый со званием педагога, о чём будет сказано в своём месте. Это она с завучем Безножниной сплотила вокруг себя группу неприкасаемых...

И вот вместо Валентины Фёдоровны поставили Нинель Даниловну Крутикову, но и эту через год сняли, а потом и завуча Таисию Карповну Безножнину. И окружение во всём обви-

няло Шелкову. До назначения нового директора его обязанности исполняла завуч по воспитательной работе Светлана Бузенкова.

И когда после зимних каникул прислали не очень молодого директора Глухова, все в ожидании притихли: как поведёт с ним Шелкова?

Когда начался учебный год, казалось, многолетняя «буря» улеглась, и пошагали полные хлопот школьные будни. И только учительница географии Анна Шелкова видела, что её, кроме учащихся, и при новом директоре, как раньше, далеко не все коллеги встречали радушно, а некоторые вели себя сдержанно. Она вошла в учительскую за журналом и поздоровалась со всеми, кто там был. Но ей не ответили, и этот холодок приняла как должное, и, взяв классный журнал, сделав строгий вид, она вышла.

Анна Севостьяновна шла по коридору в свой кабинет географии и видела, как и другие коллеги, которые встречались ей, делали вид, будто её не замечают. И только не сторонились её подруги Лавина и Сокольникова; она поделилась с ними своими впечатлениями, но те приняли её успокаивать. Из всего педагогического коллектива близких ей по духу было немного: это – Лавина, Небродова, Сокольникова и Шалфеева...

Когда школьному начальству доброхоты донесли, что эта четвёрка не присоединилась к бойкоту смутьянки, её предупредили: если они и дальше будут поддерживать Шелкову, то всем четверым nepоздоровится. И те скоро на себе почувствовали давление руководства...

В сентябре солнечные дни сменялись пасмурными. На школьном дворе росли клёны, берёзы, липы. И среди них рябины, казалось, пылали алыми кострами. И теперь все деревья стояли в жёлто-багряном уборе и радовали, навевая щемящую грусть. А в школьном саду пышно цвели астры, дубки и хризантемы, за которыми летом ухаживали школьники. Сухая погода простояла и большую часть октября.

В тот день Анна Севостьяновна уходила из школы под впечатлением травли её и своих сторонниц. Она шла домой по своей тенистой нешумной улице и не замечала всей осенней красоты, а кругом продолжалась шумная жизнь. Люди радовались природе, и только она шла через ещё зелёный сквер своего двора, что был напротив городского парка, и, как бывало раньше, не убавляла шага, чтобы полюбоваться могучими багряными клёнами, как их листья густо усыпали газоны, укрывая собой зелёную шелковистую травку.

В любой сезон природа была всегда мила и трогала душу, напоминая о лучших годах жизни. И только в эту осень в школе, которой отдала больше тридцати лет, для неё складывалась, пусть и по своей вине, нездоровая обстановка. А если бы три года назад не вмешалась, они бы действовали ещё безнаказанней. Хотя при бывшем директоре М.И.Власове такого безобразия ни за что бы не произошло...

В одной из старых школ областного центра Анна Севостьяновна вела уже третье классное руководство. Поглощённая работой, она даже не заметила, как осень растеряла всю красоту и теперь высокие молодые и старые деревья стояли голые и задумчивые.

* * *

...Закончилось сухое предзимье. И с наступлением зимы чуть ли не каждый день захаживали снегопады, школа жила предновогодними приготовлениями. У Шелковой накануне случился конфликт с бывшим завучем Безножниной, которая её вытаскивала руками за порог школы: «Вон, вон из школы, от вас все тут вянут!»! Анна Севостьяновна не ответила, она умела держать себя в руках, избегала нервных срывов. Но в тот раз, видно, не убереглась, у неё так сильно разболелся желудок, так запекло внутри, что не смогла вести урок. И одна из старшеклассниц побежала в учительскую вызвать «скорую».

Её увезли в больницу. Обследование показало, что открылось кровотечение. Хотя ещё с середины осени язва давала о себе знать. Но тогда она не обратилась к врачу, продолжая работать...

...Как было выше замечено, в новую школу Елисей Глебович пришёл в середине прошлого учебного года. Прежний директор, Крутикова Нинель Даниловна, была уволена за административные нарушения. Её обязанности исполняла завуч Светлана Бузенкова. Однако все опасались, что директором поставят Шелкову, которая, по мнению коллег, своими жалобами добивалась увольнения сначала Сидоровой, а потом и Крутиковой. И понятно, что от неё надо было избавиться любой ценой...

Анна Севостьяновна вспомнила, как на педсовете новый начальник районного отдела образования Чертаков представлял всему коллективу Глухова. Но тогда Шелкова была далека от мысли, что оплошавший в другой школе бывший директор был поставлен на ту же должность, чтобы расправиться с ней.

Как же это было? Она вспомнила самодовольную, даже загадочную улыбку, какая блуждала на лице и пряталась в серых глазах Чертакова. На секунду-другую его насмешливый взгляд задерживался на ней и затем останавливался на худощавой фигуре Глухова в сером костюме. Теперь ей казалось, что в тот момент во взгляде начальника она прочитала такую мысль: «Ни дай бог, чтобы она совладала с моим „кавалеристом“». Ведь не зря же Чертаков вдруг нахмурился, а потом засияла улыбка, но тут же опомнился, что разоблачит себя торжествующей усмешкой, и принял подчёркнуто строгий вид. Он был аристократичен, и только из-за своего высокого роста немного сутулился...

Однако его опасения не оправдались. Глухову понадобилось три месяца, чтобы изучить отношения между учителями и администрацией школы. Из бесед со всеми участницами конфликта он удостоверился в опасности Шелковой лично для него самого. И нужно было не откладывать воплощения своего замысла. Для этого надо было создать подходящий момент, и тогда он попросил Безножнину вступить в перепалку с Шелковой, чтобы довести ту до сердечного приступа. Но вместо этого у неё открылось желудочное кровотечение и Шелкова попала в больницу...

Абсурдность этой ситуации заключалась в том, что до своего нового назначения Глухов был снят с должности директора школы в другом районе областного центра с формулировкой: «За непедагогические действия». Причём был снят по жалобам родителей и коллег. И начальство, зная об этом, снова доверило ему руководство школой. Однако это произошло не совсем предумышленно, а спонтанно. Елисей Глебович, как бывший технар, не хотел возвращаться на завод, где когда-то работал инженером. Не для того он заочно окончил пединститут. И пришёл в отдел районного образования не того района, в котором работал директором школы, а в другой. И попал на приём к новому начальнику Чертакову Виктору Витальевичу. Тот его выслушал и сказал:

– Елисей Глебович, свободное место у нас есть. Из первой школы директора уволила учительница географии. Боюсь, что она и вас уволит, – сделал тот паузу, глядя пристально на Глухова, как у того зарделись щёки, а серые глаза засверкали, и Чертаков прибавил: – Но она всех достала. Если вы с ней справитесь, то вам и карты в руки.

– Виктор Витальевич, да ради бога, готов сразиться даже с дьяволом в юбке! – воскликнул тот, глядя пылающим взглядом.

И кандидатура Глухова была одобрена после того, как Чертаков переговорил с вышестоящим начальством – городским Лавириным и областным Гержаниковым.

– Учти, Виктор Витальевич, мы твой план не одобряем, – сказал Лавиринов, переглянувшись с Гержаниковым. А тот лишь кивнул, давая договорить коллеге.

И Виктор Павлович продолжал:

– Если ты даёшь ещё шанс этому выскочке проявить себя, мы не запрещаем! Но о нашем разговоре забудь.

Чертаков ехидно и злобно усмехнулся, что-то сказал своим старшим коллегам и тотчас удалился, потирая довольно руки, видя себя в будущем заместителем начальника областного управления образования.

На следующий день Чертаков тщательно проинструктировал Глухова о дальнейших действиях в новой для него школе...

Что же касалось Шелковой, то она не знала, из-за чего Глухов был уволен, наоборот, увидев молодого человека с открытым приятным лицом, она поверила, что они поладят и совместно станут изживать недостатки.

Поначалу Глухов обнадёживал её ожидания; он делился своими творческими замыслами, и даже с тем, как претворить их, чтобы учителя сплотились в дружную семью. Но она не догадывалась, что Елисей Глебович, как умный лис, поддакивая, нарочно вызывал её на откровения. Шелкова охотно поведала о завучах, давала каждому меткие характеристики, особенно той, с кем у него обязательно возникнут проблемы. Но она не знала, что именно по подсказке Чертакова он добился с Бузенковой согласия на её изгнание из школы.

Всё началось, как было уже сказано, когда Анна Севостьяновна легла в больницу. А самую подготовку к увольнению Глухов начал ещё в сентябре. За лето он просчитал всё до мелочей, провёл беседу с завучами во главе со Светланой Бузенковой и с бывшим завучем Таисией Безножниной, а также с приближёнными к ним учителями. Теперь это было очевидно, так как Глухов ни за что бы самостоятельно не отважился пойти на воплощение злодейского плана...

* * *

В больнице Анна Севостьяновна пролежала больше трёх недель. Когда вышла на работу, от Лавиной она узнала, что была уволена. На каком же основании? Та заговорила о том, что была комиссия, потом в конфликт втянули детей коррекционного класса, которые подтвердили то, как она оскорбляла учеников. Но удивительно было то, что не опросили все те классы, в которых она вела уроки по своему предмету. И Шелкова, всё ещё не веря, что с ней поступили так кощунственно, не могла уловить того, что ей говорила Лавина. Она кивком поблагодарила подругу и быстро пошла в канцелярию, которая была на первом этаже. И, не глядя на вскочившую секретаршу, открыла дверь и вошла в просторный кабинет директора. Потому, как та при виде её испугалась, Анна Севостьяновна смекнула, что директор предупредил секретаршу. Если придёт Шелкова, то без его разрешения к нему её не впускать.

Евсей Глебович Глухов сидел в чёрном костюме, при галстукe и что-то читал. Но увидев Шелкову, он быстро встал, и тут же растерянно сел, быстро-быстро моргая ресницами. «Вот какой „сюрприз“ мне приготовили!» – сокрушённо подумала она, всматриваясь в бледное лицо директора. И как будто впервые увидела его открытый покаты́й лоб с большой залысиной, которая поднималась до макушки, впалые щёки, прямой широкий нос.

Глухов по её настроению понял, что она уже знает об увольнении и растерянно молчал. Но, видя, что Шелкова не сводила с него сурового взгляда, попытался изобразить на своей физиономии вызывающую усмешку...

Но тут в кабинет заглянула секретарша – молодая женщина с короткой стрижкой и в деловом платье и затараторила взволнованно:

– Елисей Глебович, я её не пускала, она меня нагло оттолкнула!

– Ну чего же вы врётe, кому прислуживаете? – протяжно ответила Шелкова.

Глухов сделал рукой секретарше резкую отмашку, и та скрылась, закрыв дверь.

– Вам не терпится узнать, на каком основании уволены? – нервно спросил тот и продолжал: – Вот, пожалуйста, всё законно, всё законно! – он взял со стола отпечатанный на машинке приказ и дрожащей рукой подал ей.

Анна Севостьяновна, волнуясь, выхватила из его бледных рук белый лист и не тотчас сосредоточилась на тексте. Строчки прыгали, сливались, она взяла себя в руки. И буквы встали на своё место. В нём говорилось, будто она, которая даже про себя никогда не ругалась, оскорбляла детей бранными словами...

Да как же они додумались до такого глумления?! А ведь как она надеялась, что с приходом нового директора, Елисея Глебовича, система незаконных поощрений и присвоений званий «Отличника», навсегда уйдёт в прошлое и коллектив нацелится на оздоровление отношений...

– И это вы уверяете меня, что уволили на законном основании? Да это же расправа за критику, как вы могли собрать по школе всю эту грязь и вылить на меня?!

– Боже, что вы говорите! Я ничего не собирал, это завучам жаловались дети, которых вы оскорбляли. Прокуратура доказала... И больше мне не мешайте. Зачем вы обвиняли других за рукоприкладство и оскорбления, а сами били детей, искажали их фамилии? Вы, вы знаете кто? Вы хитрая и коварная, а дети вас...

– Ничего, я обращусь в суд, и тогда станет ясно, кто это всё сделал! – Шелкова сунула приказ в дамскую сумочку и вышла из кабинета...

Если бы она знала, что с ней такое беззаконие сотворят в школе, то ни за что бы не легла на лечение язвы желудка. Хотя Анна Севостьяновна твёрдо знала – в тот момент у неё просто не было другого выбора. Но зато теперь представилось время оглянуться на недавнее и обозреть далёкое прошлое...

Глава 2

И вот как это было...

Но прежде надо рассказать о жизни Шелковой, такой ли она была, какой её выставили бывшие коллеги, решив над ней так изошрённо расправиться...

Четырнадцать лет назад Анна Севостьяновна получила направление в одну из лучших школ Днянска. Эта школа в одном из районов областного центра была традиционно на хорошем счету. Здание было трёхэтажное, построенное в тридцатых годах XX века. В архитектуре тогда преобладал конструктивизм, поэтому никакими архитектурными изысками оно не отличалось, разве что по фасаду выделялось на фоне домов-коробок отдельными малозначащими деталями.

В войну школа подвергалась бомбёжке, здание восстановили, а потом оно поддерживалось ежегодными косметическими ремонтами. Заменяли крашеную железную кровлю оцинковкой, а с заднего двора возвели большую пристройку.

Рядом со школой соседствовала самая высотная в городе четырнадцатизэтажная гостиница «Днянск», перед которой Тихвинская и Преображенская церкви выглядели игрушечными...

В самые лучшие годы работы Шелковой в средней школе был директором известный тогда педагог Власов. Максим Иванович пришёл сюда ещё в середине 60-х и с первых дней занялся сплочением коллектива и дорожил всеми своими коллегами, с которыми строил отношения на доверии. Если и возникали конфликты, то они разрешались мирно, без обид для спорящих сторон. От всех бывших директоров Максим Иванович отличался тем, что он не обзавёлся близким окружением, поскольку для него были все равны. Это был его принцип. Нормальный директор не станет плодить угодников и вмешиваться в личную жизнь учителя. Вот и Максим Иванович без надобности не вмешивался, а если кому-то была нужна его помощь, он старался разобраться и помочь уладить конфликт. Ведь если в семье учителя, скажем, из-за не имения личного жилья, между родственниками возникала семейная проблема, это непосредственно сказывалось на работе учителя. И когда к нему обращались за помощью, директор не проходил мимо таких случаев. Все знали Максима Ивановича как весьма чуткого, но требовательного, и это при всём том, что он производил впечатление мягкого и покладистого человека. Каждый день из школы он уходил последним, и думалось, будто у него не было семьи...

Власов умело вводил в школьную жизнь молодых учителей, чтобы они не чувствовали себя чужими, и это давал всем деликатно понять. Управлять пятью десятками учителей было довольно непросто. Ведь они порой обидчивы как дети, а их плохое настроение болезненно отражалось на учебном процессе, который ничего не имел общего с бездушной машиной, ведь его обеспечивали неповторимые личности учителей, чего начальство не всегда понимало. Власов был убеждён: когда школьная жизнь налажена, и ученики охотно учатся, тогда и проблем меньше. Коллегам он не уставал напоминать: «Шагайте в ногу со временем, пополняйте образовательный уровень, будьте внимательны не только к школьной, но домашней жизни детей и тогда любые проблемы будут обходить вас стороной». Он сам не относился к ним казённо, а лишь по-отечески чутко избегал каких-либо педагогических схем, стереотипов и охотно подавал пример коллегам. Мне говорили, что при нём запущенных учащихся не было, участковый редко посещал школу, а если вдруг появлялся, Максим Иванович срочно собирал педсовет...

Учебный процесс по всем предметам вёлся по специальным методикам, по которым давались знания учащимся и на основании их соблюдалась культура преподавания. Если учитель высокообразован, то ему методички как бы и не нужны, он и сам избегал застывших догм,

и с иронией относился к дидактике, которая лишала учителя творчества. Если интерес к предметам пробуждён, не нужна зубрёжка, учащиеся вместе с учителем в сотворчестве добиваются успеха. Школа – постоянно развивавшаяся интеллектуальная материя. Хотя в те годы, ещё до перестройки, программы по обучению почти не менялись, и если обновлялись, то незначительно...

На второй год работы в школе Анна Севостьяновна была единодушно избрана членом партийного бюро. И почти на равных разговаривала с Максимом Ивановичем, вместе решали партийные, идеологические задачи. Поэтому возросла психологическая нагрузка и ответственность. Хотя по-прежнему её основной работой оставались учащиеся, за которых отвечала, как за своих родных детей. Своё классное руководство она получила ещё в первый год работы в школе. Максим Иванович охотно предоставлял молодым учителям, как он любил выражаться, блестящую возможность всесторонне проявить себя. Но к тому моменту Анна Севостьяновна уже сложилась в достаточно зрелого педагога, как-никак за плечами более двадцатилетняя педагогическая практика, и к тому времени только в этой школе она сделала три выпуска...

* * *

А начинала путь педагога в родном селе Дамишино Новозырковского района, где проработала почти десять лет в той самой сельской школе, которую когда-то сама закончила.

В школе Аня любила больше литературу, так как этот предмет хорошо вела Надежда Ивановна Скворцова, которая увлечённо рассказывала о жизни и творчестве писателей. И это у неё выходило даже с артистическим шиком. За время учёбы в старших классах прочитала почти всего Тургенева и Чехова. Однако после школы вместо литературы почему-то избрала географию. Впрочем, не случайно, так как наряду с литературой Ане нравилось рассматривать карты, изучать историю городов и стран.

Но тогда она была не совсем уверена, что станет непременно учителем. Хотя всё своё стремление подчиняла исключительно заветному желанию. В областном центре пединститута в конце пятидесятых ещё не было; зато в её родном городе Новозыркове уже существовал с начала тридцатых годов, туда после школы и попробовала поступить. Первый провал переживала мучительно долго, отчего даже закрадывалось жуткое сомнение, что она не наделена педагогическим даром. Может, надёжней всего пойти в технический институт по примеру старшей любимой сестры Тамары, которая окончила и уехала по распределению в Ярославль? Да и отец, Севостьян Михайлович, работая на строительном предприятии кладовщиком и бригадиром, однажды обмолвился о том же. Но, правда, твёрдо не настаивал, и никогда порыв своих дочерей не сдерживал, коли пожелали идти самостоятельно по избранному пути.

Севостьян Михайлович от комля крестьянский сын, не сумел до конца выучиться, за плечами была только семилетка да трудные годы колхозного строительства. Потом ушёл работать в районный центр в стройкомбинат, грянула война, как руководитель, для эвакуации имущества предприятия получил бронь. А когда к родной земле подходил враг, он записался добровольцем в действующую армию. И с боями прошёл всю войну до фашистского логова, был дважды ранен. За взятие Праги и Берлина был награждён боевыми медалями. А после войны работал на том же родном предприятии. В тот вечер, когда увидел дочь расстроенную, он сказал:

– И что ж ты думаешь, только школе нужны специалисты? Вот я: мечтал выучиться на агронома, но не успел. Почему бы тебе, Анята, не исправить мою оплошность? Хочешь, я поговорю с председателем.

– Папа, я бы и хотела, агроном интересная профессия..., но не могу без школы жить нормально. Всё равно добыю своего и поступлю. Ты же в колхозе не остался?

– Ну ладно, ладно.., а чем ты будешь заниматься год?

– Работать буду: выучусь на повара, я узнала, в ресторан возьмут. Ты же сам оценивал моё кулинарное умение, разве сейчас я стала готовить хуже?

– Ну как знаешь. В ресторане? Это слово-то не наше, чуждым духом от него несёт. Так что знай моё мнение: а если дух тлетворный, то и порядки там не совсем в нашем вкусе.

– Я понимаю, о чём ты, но...

– Севочка, и что же ты так о нашей дочери плохо думаешь? – вмешалась мать, Дарья Семёновна. В колхозе она работала дояркой, была хоть и полноватая, но не утратила прежнюю фигуру.

– Да я ж не о том, Даша! Анюта у нас правильная, но там-то нравы не наши. И повлияют дурно на её неокрепшую душу...

– И напрасно ты так думаешь, папа, – обиделась дочь.

– Ладно, всё, всё! – поднял он руку. – Я в тебя верю, поступай, как знаешь.

Так и было решено: Аня временно пойдёт работать учеником повара. Севостьян Михайлович и хотел бы, но больше не останавливал дочь. Хотя знал, что эта работа не для неё, к тому же в душе он не мог не сомневаться, что работа в ресторане может набросить на Аню нехорошую тень. А в селе репутация девушки – первейшее дело. Спустя время от жены он услышал, что её на подмену ставили официанткой. Это его возмутило, он даже хотел поехать в Новозырков и устроить там скандал, дескать, незачем красавицу-дочь принимать за ветреницу. Но Дарья Семёновна остановила мужа окриком:

– Да ты в своём уме?! Аню из уважения ставят, чтобы показать какие у них есть работы...

– Ты это почему её защищаешь? Заодно с ней? Чтобы разбойники на свой лад оценили и потом свои руки распускали? Вот что я в этом вижу!.. – вспылил он.

– Я её не защищаю, а тебя просветляю. Да какие в наши дни разбойники? – деланно удивилась жена. – В городе много студентов, рабочих, инженеров, – хотя Дарья Семёновна так говорила и была права, однако, и к ней закрадывалось беспокойство, что там немало и плохих людей; встречались, конечно, и жулики, воры. И всё равно верилось, что они не запачкают чистоту их дочери, поскольку она разбиралась в людях. Но говоря так, мужа она хотела просто успокоить, скрывая от него и свою тревогу за судьбу дочери.

Тем не менее Севостьян Михайлович был уверен, что в рестораны только ходят непорядочные люди, которые воруют, разбойничают. Но он, как бы взяв на веру слова жены, не стал больше возражать, взялся за домашнее хозяйство. Хотя и после этого разговора судьба дочери нет-нет, да и волновала, но свои мысли уже держал при себе...

Хотя по селу уже растёкся слух о работе дочери. Ему приходилось оправдывать дочь, дескать, пробовала поступить в пединститут в своём городе, но не прошла и с болезненным самолюбием пережила неудачу, ведь не добрала всего бал. А чтобы полезно провести год, устроилась учеником повара при железнодорожном ресторане.

– А чего ж ты, Михайлович, людей судишь, когда наши дети из села уезжают в город? – выговаривали ему односельчане. – Да ты и сам в городе и твои дочери, почему не в колхозе? А младшую в ресторан устроил, другого места не нашёл?

– Вы в своём уме, место я ей не выбирал, умеет готовить, вот и пошла! И мне больше не охальничайте!

– А то наши ничего не умеют! – огрызались женщины. И только их мужья по-умному молчали, дымя папиросами. – Они же не хуже твоих?

– Да разве я ругаю вас, что дети убегают в город? Время уже такое, пусть думают власти, – оправдывался он, – как удержать молодёжь в селе.

Севостьян Михайлович с того раза с болью в душе больше не вразумлял людей, что колхозу «нужна смена поколений». Разве он хотел такой судьбы своим дочерям? Никто не знает, как он отговаривал их от города, чтобы жили рядом с ними...

Аня вовсе не сожалела о том, что устроилась на такую неприличную, по меркам односельчан, работу, к которой не просто люди, а труженики, почему-то и впрямь относились с предубеждениями. Однако и после таких слухов вернуться в родной колхоз её нисколько не тянуло. Не мудрено, что уже тогда наступало время, когда сельская молодёжь уезжала в город. Хотя председатель, по наущению её отца, обещал направить на учёбу в сельскохозяйственный институт, куда, однако, у неё не лежала душа...

Конечно, отец был во всём прав. А что ей до слухов? Кривотолки не истина, но кто бы знал, как и впрямь Ане было нелегко: после она отказалась выходить на подменку официанткой не по ней было вертеться перед посетителями, обслуживать весёлую публику. Но на этот счёт Аня была весьма серьёзной, не по годам самостоятельной девушкой. Да притом стройной, наделённой красивой статью и обликом нисколько не походившей даже на деревенскую ветреницу. Далеко видна благородная стать, гордый, чуть надменный взгляд, откуда всё у неё и взялось. Хотя и отец и мать были высокие, приятные на вид в своём почтенном возрасте, пережившие ужасы войны с маленькими детьми...

Когда Севостьян Михайлович уходил на войну, Ане было почти три года, а когда пришёл с войны, она его не помнила. И с восхищением смотрела на три медали у него на груди армейской гимнастёрки. И вот она уже почти взрослая девушка обитала в районном городке самостоятельной жизнью. И пусть мужчины имели на неё свои виды, но мать и отец надеялись, что своей прежней недоступностью Аня не уронит достоинства, не закружится у неё голова от комплиментов молодых повес...

В ту далёкую пору в селе было уже немало стилияг, они-то в основном и подавались в город: как-никак на дворе стояла хрущёвская оттепель. В селе же от всей молодёжи оставалась какая-то малая часть. Конечно, Аня, в хорошем смысле была с обманчивой внешностью, и за всей её недоступной наружностью симпатичной девушки, скрывалась доверчивая, ранимая, в чём-то даже наивная душа. В семнадцать лет у некоторых девушек первые чувства, первая любовь уже пройденный этап. На свои увлечения они смотрели уже по-взрослому. Многие знали, какого бы человека для совместной жизни они хотели встретить, так как все мечтали о настоящей любви. Такой же была и Аня, хотя из книг у неё уже сложилось своё мнение, что в любви везёт немногим, а счастливая любовь вообще довольно редкое явление.

То время было романтическим, ещё не вся молодёжь поддавалась такому явлению, как расчёт. Но материальное положение уже определяло отношения между молодыми людьми не только в городе, но и в сёлах и деревнях. Хотя в отношениях девушки и парня всё ещё имели своё значение чувства. И чуткие девушки почти безошибочно определяли, когда любовь была настоящая, а когда её подменяли развлечения. Но обманутых девушек из-за этого не уменьшалось, даже среди духовно развитых. Аня как раз была такой, но из того числа составляла редкое исключение. В короткую пору работы поваром в ресторане она не поддавалась на обман. Хотя претендентов на её руку и сердце и просто провести вечер с красивой девушкой было больше, чем достаточно. Однако весьма скоро Аня распознавала кавалеров и молодых мужчин, которым вместо любви только нужно было единственно поразвлечься. Поэтому с отъявленными вертопрахами она долго не церемонилась и приставал разной масти быстро отшивала от себя. Впрочем, были и такие, которые и сами понимали, что девушка им не по зубам и уходили восвояси...

Свободное время Аня посвящала больше книгам, а именно подготовке к поступлению в институт. От сельского труда она никогда не уваливала, так как своим участием хотела скрашивать тяжёлый труд родителей, и чтобы в семье был хотя бы относительный достаток.

К тому же в селе круглый год работы было – непочатый край; Ане нравилось участвовать в сенокосе, ходить в лес по грибы и ягоды.

Если в селе местные кавалеры её не интересовали, то в городе встречались довольно настырные, а у некоторых за душой не было ничего путного. Но Аня уже тогда, как будущий учитель, старалась раскрывать парням глаза на мир, таким тоном, словно действительно, как на уроке объясняла учащемуся новый материал. На все её усилия пробудить душу к самостоятельному познанию себя и окружающего мира, они смотрели по-разному: иногда иронично, иногда небрежно, иногда растерянно и удивлённо, причём с повышенным интересом любясь необычной, как диво, девушкой, которой, кроме книг больше, похоже, ничего не надо?

Ане признавались в любви и недоумевали оттого, что она им не верила, или начинала доказывать то, для чего они говорят святые слова, не понимая их настоящего смысла. Они, конечно, обижались, что у неё голова забита одними книгами и живёт в придуманном мире, которого не могло быть в реальности. Аня задумывалась, так ли это, в чём-то они были правы, почему же она, при всей своей доверчивой натуре, такая чересчур серьёзная?

Но она была такой от рождения: и семья, и отчасти книги воспитали в ней высокую духовность, и она впитала в себя строгую мораль и несла её по жизни как дорогое напутствие? Вот потому она сложилась в недоступную девушку, и это было то необходимое, что создавало о ней самое выгодное впечатление. И то, что парни не могли добиться её расположения, в этом не было ничего плохого, просто она пока сама никого не любила. И потому проистекала кажущаяся холодность и нежелание затягивать пустые увлечения. Она боялась поддаться сиюминутному чувству, которое навязывал кавалер, пытавшийся её поцеловать. Вроде бы грех был небольшой, но за его соблазном виделась опасность, которая кружила, как невидимая птица, и рождала иллюзии настоящей любви. Но она скоро очнулась, вышла из любовного дурмана, оттолкнула парня, который обещал всё, что она ни пожелает. И после, когда он попался на спекуляции импорта, она осталась довольна, что её не подвело шестое чувство, которое подсказывало, что с ним она наплачется...

Одно время она вела себя, как отрешившаяся от земных радостей и страстей монашка, заключив добровольно свою душу в строгие одежды пуританства, но вовсе не из ханжества!

В сущности, так оно и было, поскольку о замужестве она ещё не мечтала, и всецело верила в свою заветную мечту, что обязательно встретит единственного, к кому вспыхнет любовь. Но одной она не оставалась долго, один парень заметил её на остановке и познакомился с ней. Он говорил, что она ему понравилась и не похожа на современных девушек. Такой ему и не хватает, а у неё тотчас возникла мысль, может, он и есть суженый? Но это не помешало его предупредить, что не допустит вольностей. И он вёл себя прилично, дарил цветы, ходили в кино, признавался в любви. Она со снисходительной улыбкой выслушивала его признания. И хотя на самом деле все слова парня принимала, как целью обольстить её, хотела ему верить безоглядно, как в прекрасный сон. Хотя чувствовала, что его, такого чистенького, обходительного, никогда не полюбит. Но он был лучшим из всех тех, кто набивался к ней в женихи. «Вот он говорил, что я непохожа на современных девушек, – думала она. – Может, правда, я слишком требовательна, и жду такого, какого вообще нет в жизни, и он только живёт в воображении». Анна об этом как подумала, так и забыла. Изредка давала согласие пойти с ним в кино, но согласия на следующее свидание не давала, так как ей надо было заниматься.

Так и жила она работой, подготовкой к поступлению в институт и редкими свиданиями. А потом он не стал ей звонить, Анна какое-то время сожалела, и решила, что её чистенький ухажёр встретил сговорчивую, о какой мечтал, потому и оставил её недоступную. И оказалось, она была права, все его признания были направлены на её обольщение и она больше не жалела о нём. Так быстро пролетел год. Летом в гости приехала сестра Тамара. Она выглядела модной, и будто не похожей на себя прежнюю – родную и домашнюю. Чужая сторона на сестру наложила свой неизгладимый отпечаток.

– Ой, какая ты красивая, я тебе по-хорошему завидую! – воскликнула Аня, оглядывая сестру.

– Вот и поехали со мной, мне всегда не хватает там родного человека, – предложила Тамара, и улыбнулась, обнимая нежно сестру.

– Я хочу поступать в этом году, наверно, поехать не получится, Тamarочка.

– У нас там хороший институт, есть, где работать. Город красивый, древний. Мой муж Ваня тот человек, который может помочь найти работу, где ты захочешь.

– В школу без образования устроит? – усмехнулась младшая сестра.

– А ты хочешь пропадать в злчном заведении? Я знаю, как ты огорчила отца, когда пошла в этот вокзальный кабак.

– Он тебе жаловался в письме?

– Разве он может жаловаться, это мама написала, – тихо, почти шёпотом сказала Тамара.

– А кто же им будет помогать?

– Я с ними поговорю...

Но разговор с родителями состоялся только через неделю за общим семейным ужином. Всё это время Аня, будучи тоже в отпуске, с Тамарой проводили дни вместе, то на огороде, то на лугу косили траву, то уходили на речку с книгами.

И вот Севостьян Михайлович, как только Тамара заговорила, что хочет взять с собой Аню, ухватился за предложение старшей дочери как за соломинку. Это позволит Ане навсегда расстаться с рестораном, работа в котором его огорчала и делала дочь скрытной и замкнутой, так как не делилась своими впечатлениями. А значит, там не всё с ней было благополучно...

– Вот и отлично, поезжайте, Ярославль – это Золотое кольцо, там древняя русская культура! – с радостью сказал отец.

– А дома разве хуже? – возразила Дарья Семёновна. – Наш город тоже древний.

– Верно, но в копоты войны побывал, под бомбёжками и обстрелами, а в Ярославле немцев не было, – напомнил Севостьян Михайлович.

– Мама, ты не обижайся, я бы хотела, чтобы и вы туда переехали, – пожелала Тамара, видя в грустных глазах матери затаённый страх и озабоченность.

– Нет, дочка, мы отсюда никуда ногой. Эта земля наших предков, – подтвердил отец.

– Да, это нынче молодёжи на месте не сидится, – поддержала мать. – Перетерпим как-нибудь, сами справимся с хозяйством, и к вам будем приезжать в гости как на курорт...

И через две недели сёстры уехали в Ярославль. Родители, нагрузив дочерей домашней снедью, проводили их на вечерний поезд...

* * *

...Оказалось, Тамара работала не в самом Ярославле, а в предместье лесничества, жила в посёлке, где была школа-интернат, в котором учились дети-сироты, а также из малообеспеченных семей. После предварительной беседы с участием Тамары её взяли воспитателем, а в город вечерами ездила на подготовительные курсы.

Однажды увидела, как на неё в обзорное зеркальце засматривался молодой водитель автобуса. Думала, что он только интересуется обстановкой в салоне. Но нет, он и впрямь заглядывался на неё, что порой даже забывал смотреть на дорогу. От его кабины она сидела недалеко. Ане было и смешно, и досадно. А когда приехали в город, она весело сказала шофёру, что так можно въехать в канаву или врезаться в придорожный столб...

По дороге в институт Аня ловила себя на мысли, что думает о водителе автобуса помимо своей воли. Он был высок, молод, красив, у него светлая шевелюра, серые глаза, и сейчас стоял в её глазах, как наваждение.

Через месяц они уже были знакомы. Его звали Борисом, он тоже собирался поступать в институт, по крайней мере, так ей говорил...

Дружба их длилась чуть больше года, Аня как никогда чувствовала себя по-настоящему влюблённой. Но ей это не мешало заниматься в педагогическом институте, куда поступила на заочное обучение. Борис не отставал с приглашениями то в кино, то в театр, и даже звал в ресторан. В один из таких вечеров он предложил ей выйти за него замуж. Но для Ани учёба была пока на первом месте, а если он так серьёзно её любит, то должен подождать.

– Может, ты со мной только время проводишь? – сказал Борис, при этом его серые глаза недобро прищурились, выражая неподдельную обиду, как некогда она сама отвечала своим бывшим кавалерам, которые добивались от неё ответной любви...

– Боря, и ты это серьёзно мне говоришь? – растерянно улыбнулась она, обидевшись на него.

– А что я неправ? Если бы я был инженером, наверно, не раздумывала и дала согласие, – не глядя на девушку, стоя перед ней, выпалил он, а потом поднял на неё обжигающие душу глаза.

– Вот не думала, что тебя одолевают такие низкие мысли! – с чувством оскорблённого достоинства ответила она. – Тебе мало одной веры в мою порядочность, что я должна ещё тебя разуверять? А может, должна поклясться на Библии? – засмеялась она.

– А тогда чего ты тянешь, чего нам ждать, скажи? Я тебя люблю, по-моему, этого вполне достаточно...

– Мне ещё долго учиться, родной мой... И потом, разве тебя мои чувства совсем не интересуют? – серьёзно заметила она.

– Ещё как интересуют! А учиться я ведь не запрещаю. Или боишься потерять свободу?

– Но я уже от своих чувств к тебе и так не свободна, – сдержанно ответила она шутливо. – А если я прошу, то ты хоть немного должен мне уступать? Если этого между нами не будет, нам не быть долго вместе...

– Аня, это угроза или предупреждение? – озлобился Борис, полыхая на неё возмущённым взглядом. – Я перед тобой чувствую себя провинившимся мальчишкой, потому что ты стараешься подчеркнуть надо мной своё превосходство, а это для меня невыносимо, имей в виду.

– Полно, Боря, преувеличивать, – сказала она, а сама про себя подумала, что отчасти он прав. Ведь не зря она испытывала в себе подчас неодолимое стремление нравучать парня. И с этим ничего не могла поделать, такой, видно, уродилась. Особенно это выразалось, когда ему объясняла, как вредно расплывать время по пустякам, как важно избегать излишней праздности, надо свою жизнь подчинять исключительно полезным занятиям, направленным на неустанное расширение познавательного кругозора.

– Учти, я говорю то, что чувствую! – воскликнул он. И стал закуривать, затем быстро затягиваясь сигаретой, точно сейчас его лишат этого удовольствия.

– Но я же тебе не желаю плохого, родной ты мой? Зачем на это обижаться...

– Всё равно, под твою диктовку, я жить не собираюсь, – перебил Борис. – От подневольных отношений можно волком взвыть.

– Да ради бога, если не хочешь, я тебя не буду принуждать. Но у человека должна быть культура...

– Я и без тебя это знаю! Всё, с меня довольно, я уйду...

Первая размолвка задела её самолюбие, но не вывела из равновесия. Она только была обижена, что парень не прислушивался к её советам. Она надеялась, что его решение было скоропалительным. Он одумается и вернётся к ней. Но Борис не приходил и день и два, и три, и тогда она стала думать, что он её не любит, а то бы пошёл за ней хоть на край земли. А если он не готов ей уступать, то так даже и лучше, своей вины перед ним она не чувствовала. Хотя

были моменты, когда хотелось найти его и сказать, что она ни к чему его не будет принуждать, если он такой донельзя гордый и самолюбивый.

Аня тогда впервые убедилась, что Борис вовсе не покладистый, за которого принимала его раньше, и она думала, что его можно было подчинить себе. Но он выказал крутой характер, а до этого, наверное, хотел казаться не таким упрямым, каким был на самом деле. Но может она сама перегнула палку, когда попробовала направить парня по своему пути. Это, конечно, хорошо, что Борис вполне самостоятельно рассуждал, и только из вежливости долгое время ей не прекословил и терпеливо выслушивал её наставления. Неужели они разные и оттого во всём чужие люди? А по-другому и быть не могло, так как у него сложились свои взгляды. Правда, иногда ей казалось, что Борис не очень умён, каким ей не хотелось видеть его. И что было плохо в том, если она пробовала направить его по доступному ему пути.

Глава 3

Тамара была высокая, стройная, привлекательная и уже два года как вышла замуж. И со своим Иваном, кажется, была вполне счастлива. С детства для Анны старшая сестра являлась примером для подражания. Тамара считалась уже тогда образованной, довольно легко поступила в институт и Анна стала на неё во всём равняться.

В тот весенний вечер она увидела сестру невесёлой и задумчивой. Аня явно переживала. Что же её так беспокоило? И она позвала её к ужину на кухню. Сам хозяин смотрел телевизор, можно было разговаривать, не таясь о том, что так наедине волновало Анну.

– С Борисом не поладила? – доверительно спросила Тамара, проницательно глядя на сестру.

– Мелочи... всё образуется, – сдержанно ответила она, не желая говорить о возникших противоречиях в отношениях с женихом. Она бы обо всём с сестрой говорила откровенно. Но только не о личном, интимный разговор у неё как-то не очень получался.

– А всё-таки, что же произошло? – мягко настаивала на своём Тамара, вовсе не ради любопытства, а чтобы помочь сестре выйти из тупика. К тому же у сестры, как казалось Ане, было редкое умение ненавязчиво располагать к себе.

– Не стоит это внимания... Просто учу Бориса жить, пробуждаю у него духовные искания, а ему это не нравится, – улыбнулась самодовольно Анна.

– Ты напрасно на это тратишь силы, – убедительно начала Тамара. – Поверь моему опыту: мужчины не любят когда посягают на их личность. Искание само придёт, если с интеллектом всё обстоит в порядке, – проникновенно пояснила сестра.

– Вот именно, если в голове пусто, никогда не придёт, – уверенно заметила Анна. – А толчок надо сделать, искру зажечь. Собирается учиться, а книги в руки берёт редко...

– Он же не ребёнок, чтобы учить уму-разуму? По-моему, Борис умный, самостоятельный парень, – заключила вежливо Тамара.

– Но я так не считаю! Просто ему не терпится жениться, не думая о будущем, – тоном убеждения ответил Анна, покраснев, словно боялась, что сестра подумает иначе.

– Вот и хорошо! Ему любовь нужна, а ты со своей моралью лезешь, – шутливо заметила она. – Сперва замуж выйди, а потом качай свои права, да и то с умом надо...

– Может, я вам надоела, так скажи прямо! – резко бросила Анна. Ей было неприятно, что так вырвалось неожиданно и причиняет сестре боль.

– Как ты можешь, Аня? – в оторопи упрекнула та.

Анна задумалась, но сестре не ответила, молча пила чай. В словах Тамары она находила ответ, что она сама, Аня, согласна выйти замуж. И это желание держала глубоко в душе даже от самой себя, даже про себя не прорекала. Если бы она была полностью уверена в том, что Борис её настоящий суженый, а не случайно подвернувшийся человек. И она, быть может, тогда бы долго не раздумывала. Вот почему в сердце гнездились сомнения, как червячок под корой дерева. И оно всечасно настораживало, слегка саднило, тревожно беспокоило, как перед сдачей экзамена, когда боялась вытащить не тот билет. А суженый тот же самый билет и экзамен на всю жизнь, поэтому страшно ошибиться.

Когда Борис сделал ей первое предложение, у Анны только на миг признательной радостью заблестели глаза, которую внешне тут же старалась скрыть. Она боялась усомниться в его искреннем намерении жениться, поэтому дать согласие воздерживалась. Хотя парень уверял, что не шутил и предлагал руку и сердце под влиянием серьёзных чувств.

Но это событие она не могла себе представить, словно находилась во сне, а пробудиться не могла, чтобы удостовериться в свершившемся факте. Правда, её настораживало то, что Борис никогда не объяснял, где они будут жить после свадьбы. Если у его родителей, то это её

волновало больше всего. Ведь она заочница, работает воспитателем в интернате. Хоть Борис был шофёр, ей небезразлично то, что изберёт в дальнейшем? Впрочем, было бы желание, а учиться никогда не поздно.

В тот вечер она долго размышляла, перебирая возможные варианты будущих отношений с Борисом, когда тот станет мужем. Но отчётливо себе этого не представляла, поскольку у него был своевольный характер, склонный ей не подчиняться. А значит, их реально подстерегала размолвка. И она сомневалась, что им удастся строить отношения на принципе взаимных уступок, так как у неё самой сильный характер. И поэтому всё было неясно, неопределённо и туманно, а от этого будущее замужество вызывало тревогу. Ведь готовых рецептов нет на все случаи жизни, так как многое зависело исключительно от семейной пары, которая создаёт свою удобную среду обитания.

Поступками мужчины, сделавшего женщине предложение, безусловно, движет любовь, которую, однако, нельзя взять в свои союзницы в решение остальных вопросов, которые до поры до времени можно даже не замечать. Но всегда жить с закрытыми глазами невозможно. Ведь тогда она ещё не понимала, что её чувствами тоже двигала какая-то неподвластная, закономерная направленность, которая толкала её в желанные объятия Бориса...

В конце концов, они помирились, она приняла его предложение и вскоре поженились. Хотя фамилию мужа Анна не взяла, словно заранее знала, что им предстояло скоро расстаться.

И уже через три месяца у неё в душе поселилось странное предощущение надвигающейся исподволь развязки. А потом появилось устойчивое убеждение, чтобы до конца узнать человека, достаточно выйти замуж. И впрямь, Борис раскрывался во всей своей чудовищной сущности, о какой она впоследствии, даже через десятилетия, не хотела вспоминать. Ведь для исчерпывающего определения бывшего мужа ей достаточно было два слова: «Красивое ничтожество».

Неужели от Бориса она требовала невозможного, и поэтому из протеста тот не подчинялся требованиям жены. И поняв, что в его положении они не исполнимы, малодушно опустил руки, и обвинял её в том, что из-за неё потянулся к водке. Да неужели только из-за того, что не смог угодить жене, вдруг стал пить или просто был склонен к пьянству? И каким надо быть безвольным и слабым, чтобы не бороться за себя...

Хотя ничего удивительного в этом не было, в рестораны и на вечеринки к его друзьям они не ходили. Лучше кого-либо из них она хорошо узнала Бориса, как склонного к алкоголю. О какой учёбе могла идти речь, если к пьянству прибавилась его необузданная ревность, которая дорисовала его образ, чего она уже больше не могла терпеть.

Однажды после ссоры Борис ушёл из дому, шатался пьяный, забрёл в клуб на танцы. Там подрался, избил за какой-то пустяк невинного перед ним человека. И тот с тяжёлой травмой попал в больницу, дал против него показания. На него завели уголовное дело. Оказалось, он уже не раз попадал в хулиганы. Но ему прощали, однако на этот раз его осудили на год лишения свободы. Анна пришла в ужас! На суд она не пошла, не прожив с мужем даже года, будучи на сносях, Анна поняла окончательно, что с таким человеком у неё не будет ничего общего и подала на развод...

А потом родилась дочка Мила. Как бы ни было ей нелегко, учёбу не оставила. Правда, приехала мать, Дарья Семёновна, пожила немного у дочерей, присматривала за внучкой. Мать уговаривала Анну вместе уехать домой: она будет сидеть с ребёнком, а дочь станет работать учителем. Но послушать мать она не могла, надо было оканчивать институт, как-нибудь сама справится. Жила при школе-интернате, работала, училась. Привыкла к старинной архитектуре Ярославля, на каждом шагу памятники истории города, который уже считала, чуть ли не родным.

Незаметно пролетели годы, закончила Анна институт, обрела жизненный опыт. С трёхлетней дочерью поехала домой, где надо было всё начинать заново...

Глава 4

...После возвращения из Ярославля прошло пять лет. Все эти годы Анна Севостьяновна Шелкова работала сначала в школе-интернате. Когда её дочь Мила училась в третьем классе, она перешла учителем географии в родную школу села Дамишино.

Однажды в районной газете «Маяк» Анна Севостьяновна прочитала о себе короткую заметку, которую написала бывшая выпускница, признававшаяся, что благодаря Шелковой, она полюбила географию. А до этого она считала её предмет неинтересным, пока не пришла в класс новая молодая учительница, которая так занимательно объясняла окружающий мир, что сразу всё становилось понятным и хотелось знать ещё больше. Причём каждый раз уроки проходили довольно увлекательно и неповторимо, что хотелось слушать учительницу ещё и ещё. И оказывается вся окружающая нас жизнь, без глубоких знаний географии намного обедняется...

Поначалу, как только переступила порог родной школы, Анна Севостьяновна почувствовала себя вовсе не учительницей, а прежней ученицей. К тому же в школе ещё продолжали работать многие учителя, которые учили Анну Севостьяновну. Правда, её любимая, бесконечно дорогая учительница по литературе Надежда Ивановна Скворцова, уже вышла на пенсию. Иногда она приходила в школу подменить заболевшего учителя. Вот тогда некоторое время она испытывала перед ней свою вину за то, что выбрала не её специальность.

Со временем, глядя на учащихся средних и старших классов, Анна Севостьяновна стала ощущать себя вполне зрелой, умудрённой жизнью. Ведь между ними уже было разницы в несколько лет, и прежней, наивной Ани уже не стало. За эти годы она приобрела педагогический опыт, прошла суровые испытания через одиночество, у неё растёт умница и красавица дочь.

В дальнейшем она настолько увлеклась педагогикой, изучая классиков Макаренко, Ушинского, и настолько сроднилась с учительским коллективом, что без школы другой себе жизни уже не представляла. О личной неустроенной судьбе даже некогда было думать, вся без остатка ушла в свою работу, отдавая много времени классному руководству. Анна Севостьяновна интересовалась успеваемостью учащихся не только по своему предмету, но и по остальным. И ей было не безразлично то, как учащиеся ведут себя вне школы, ходила по домам, смотрела, как они живут, чем увлечены. Хотя так поступали и другие учителя. Но Шелкова хотела также знать, почему её подопечные отставали по тем или иным предметам, что мешает им успевать по всем: отсутствие желания учиться или у них так и не пробудили интерес к познаниям? Она к тому же изучала природные задатки и склонности учащихся, что порой было очень сложно определить, насколько они ленивы или способны. А иной раз даже и это было невозможно понять, так как ребята учились как бы по инерции, практически не ведая, что бы они хотели добиться в жизни? Далеко не многие мечтали стать лётчиками и космонавтами, агрономами и инженерами, учителями и комбайнёрами, или доярками. Хотя в ту пору в сельской школе была весьма слабо развита профориентация, которая только нарождалась, да и то больше в городе, чего того настоятельно требовала жизнь. Но это придёт в школу значительно позже. А тогда Анна Севостьяновна много сил уделяла налаживанию связи с учащимися и родителями. И выработывала свой стиль преподавания, применяя метод обратной связи. Без опыта, конечно, это давалось с большим трудом, который приходит как бы сам по себе в неустанном обогащении новыми знаниями. Она вовсе не гнушалась учиться у старших коллег, ведь в памяти ещё были свежи уроки Скворцовой, её пылкий ум и духовная неустойчивость, и как она, пребывала в постоянном поиске...

С новым учебным годом надо было всё начинать как бы заново, словно впервые вошла в класс в качестве учителя. Заново выработывала необходимый тон, взгляд, манеру держаться

перед учащимися. Переход от пройденного материала к новому, обязан вызывать у питомцев интригующий момент, настраивающий ребят к обострённому, любознательному восприятию, чтобы процесс познания доставлял им истинную радость и удовольствие. Придерживаться строго методик, значит, лишать себя творчества, включающего ребят в сотворчество, чтобы совместными усилиями познать то, что учителю давно известно, тогда как учащемуся должно открываться по мере познания, словно новый материк мореплавателю...

Анна Севостьяновна мысленно на разные лады прокручивала в сознании новые уроки, словно репетировала, как постановку спектакля. А потом часто возвращалась к уже проведённым урокам, анализировала скрупулёзно каждый эпизод, что ей удалось сделать, а что не получилось, а в следующий раз старалась исправить допущенные ошибки методического характера. Если, к примеру, учащиеся не все слушали то, как она объясняла новую тему, она полагала, что ещё недостаточно хорошо овладела стилем преподавания...

Между прочим, в каждом классе молодой учительнице уроки географии давались по-разному. В средних несколько легче, чем в старших. Порой, они походили, как личные открытия давно известного, но несколько с другой стороны, когда сама узнавала нечто новое к давно изученному, когда темы неожиданно углублялись и дополнялись творческими озарениями исключительно на интуитивном, а то и на подсознательном уровне, чего, собственно, невозможно переложить в полном объёме на прозаический язык...

Каждый удачный урок, разумеется, зависел не только от знания предмета, а также и от настроения души. В такие дни, пониженный духовный тонус, Анна Севостьяновна поддерживала исключительно одним волевым усилием, чтобы при этом учащиеся не замечали её внутренних сбоев... Ведь надлежало учитывать ещё способность детей чутко подмечать самые незначительные перемены в настроении учительницы.

Анна Севостьяновна за невыученный материал ставила двойки учащимся, с огорчением в душе, так как полагала, что двойка – это оценка её труда. Но при этом она повторяла, что двойку при желании всегда можно исправить, зато упущенные, не усвоенные знания, намного трудней восполнять, когда запускается познавательный процесс. В той или иной мере, конечно, она уже знала способности каждого учащегося. Поэтому с родителями устанавливала тесные контакты, чтобы всемерно воздействовали на своих детей в соответствии с её замечаниями. Хотя село Дамишино было большим, однако все друг друга знали превосходно...

Шелкова в себе органично сочетала строгое и великодушное отношение исключительно ко всем детям, при этом никому не делая поблажек и снисхождений. Она неукоснительно требовала от учащихся соблюдения принципа безукоризненной порядочности, чего, конечно, далеко не все в равной мере разделяли и принимали на веру. На уроках она могла поговорить с ребятами на жизненно важные темы, касающиеся больше всего культуры личности и культуры общения. Ведь в то время в молодёжную среду уже проникали увлечения западной массовой культурой, удивившей далеко в сторону от истинных, высоких духовных ценностей. Но особенно велико было влияние такого поветрия, как свобода любви, которая растлевала сознание молодёжи. И это проявлялось в таком социальном явлении, как движение хиппи, пронизанное нигилистическими настроениями. И в среде такой молодёжи дело доходило даже до отрицания отечественной культуры...

В те времена школа находилась под идеологическим присмотром партии. И подрастающему поколению уделялось первостепенное внимание общества. Вот потому идеологическое и нравственное воспитание ставилось во главу всех знаний по всем предметам. Практически на всё накладывался идеологический флёр...

В сельских школах этот диктат был не столь ощутим, как в городских, что объяснялось не только удалённостью от города сёл и деревень, но в какой-то степени аполитичностью сельских учителей, которые больше уделяли внимание учебному процессу, чем воспитанию. Но идеологическое и нравственное воспитание почему-то не входило в их прямые обязанности

сти. А вот Анна Севостьяновна, в отличие от некоторых своих коллег, не отделяла воспитание от учёбы, вопреки сложившемуся в учительской среде ошибочному мнению. Считалось, если уделять много внимания нравственному воспитанию, то можно выпустить из рук программу. Хотя каждый учитель считал, что нравственность учителя неотделима от их предмета! Шелкова не видела большого различия между учебной деятельностью и тем, что называется духовностью. Прежде всего, учитель должен активным отношением к жизни и личным поведением, подавать для подражания учащимся положительные примеры. Если сердце ко всему равнодушно, а ум детей спит, то это непосредственно влияет на успеваемость по всем предметам, в результате они инертны, пассивны и неразвиты интеллектуально. Надо отрывать детей от той среды, которая прививает ребятам вредные привычки и навязывает уличный мышление.

Чтобы этого не происходило, Анна Севостьяновна организовывала коллективные поездки в Днянск на Партизанскую поляну, в города соседних областей и литературные Мекки классиков словесности. В то время любовь к земле учащимся прививали участием в помощи родному колхозу в уборке урожая...

С первого года работы в школе Анна Севостьяновна подружилась с молодой учительницей биологии Валерией Александровной Соболевой, весёлой, общительной и компанейской. Она жила в Новозыркове. В плохую погоду Анна Севостьяновна оставляла коллегу у себя дома. Её родители охотно привечали дорогую гостью под своим кровом, вместе ужинали, пили чай, а то и что-то покрепче. Затем подруги уединялись, слушали пластинки с записями классической музыки, впрочем, не только...

– А всё-таки, Аня, скучно жить в селе без развлечений, – как-то сказала Валерия в один из таких вечеров. – Ты ещё молода, красива, нельзя без конца прозябать дома. Личной жизни у тебя нет. Давай пойдём куда-нибудь, хотя бы в ресторан? – предложила подруга.

– Знаешь, Валерия, мне скучать некогда. Учю дочку, сама занимаюсь, с удовольствием возжусь в огороде и по хозяйству. Родители вкалывают в колхозе, устают, а для меня – это полезная разминка. Это тебе, живущей в городе, кажется, что в селе люди прозябают бесцельно. И что же тогда называют целью и есть ли она вообще у кого, не считая линии партии? Отдохнуть, конечно, можно и в ресторане, но это пустое увлечение. Если оно повторяется часто, изо дня в день, то ум тупеет. Я больше года отработала поваром, недолго подменяла официантку и знаю ресторанный мир изнутри. Мужчины там все, как близнецы, одинаковые, умных и порядочных в своей жизни я встречала мало. Вот потому своим долгом считаю воспитать, нет, хотя бы немного повлиять на мужскую психологию, чтобы в юношеском возрасте мои ученики видели в девушке будущую женщину, видели её душу, а не только, как вещь для забавы. А таких было всегда большинство.

– У тебя на это хватает терпения? Воспитывает семья, мамы должны сыновьям прививать к себе уважение. А мы исправляем изъяны. Но всё равно личная жизнь должна быть, а то так можно превратиться в мизантропку, отрицающую мужчин вообще. Найди подходящего мужичка и занимайся перековкой его мировоззрения, – шутливо предложила Валерия.

– Ты смеёшься? А я скажу так: если пороки вошли в него с молоком матери, то уже трудно изменить направление его порочного мышления, из которого и вытекает безнравственное поведение. Хотя у многих, как таковой нравственности нет, есть социальный статус, который диктует поведение. Например, в вычислительную машину можно заложить нужную научную программу о том, как прогнозировать будущие социальные явления или модель нравственности будущего человека...

– Как тебе охота так научнообразно выражаться. Да не все же они на одно лицо, как ты рисуешь в своём воображении, Аня. Ты раз обожглась, а теперь всю жизнь готова дуть на воду?

В комнате тихо звучала лунная соната Бетховена и под неё продолжалась беседа подруг.

– Да разве я говорю, что все мужчины поголовно дураки? Есть замечательные люди, но, как говорится, не по мою душу. Многие не любят, чтобы их учили. А я, по-видимому, так странно устроена, что без этого не могу...

– Аня, просто ты считаешь свои взгляды идеальными, как рецепты на все случаи жизни, которые, между тем, не всем подходят, чего ты не хочешь замечать.

– Почему ты так думаешь, Валерия? Неужели я такая зануда? – удивилась та.

– Я тобой восхищаюсь! Я вижу, как ты опекаешь каждого ученика. Но для меня такая практика не приемлема, я упаду, – уклонилась немного в сторону Валерия. – Тебе что-то удаётся исправлять в психике потому что, извини, чересчур вторгаешься в детскую органику...

– Не понимаю, что ты в этом находишь плохого? – изумилась Шелкова. – Мы же воспитываем нравственно здоровых детей.

– Собственно, ничего. Можно исправлять недостатки, направлять формирующееся мировоззрение, вносить коррективы, учить мыслить самостоятельно. Но психология, как и нравственность, наследуется в той среде, в которой человек рос, а это уже личный заповедник, куда необдуманно нельзя вторгаться... а то можно наломать дров.

– В программе партии записано о воспитании нового человека. Я думаю – это правильно, Валерия...

– Извини, Аня, но в эту химеру, я не верю. Знаешь, почему? Мне кажется, Библия говорит о том же, о соблюдении заповедей Христа, если собрать их воедино, то можно увидеть портрет человека будущего или каким он должен быть в идеале, как сам Христос.

Анна Севостьяновна выслушала с интересом подругу и нахмурилась, посмотрела на Валерию несколько удивлённо, от которой впервые услышала отрицание партийной линии да ещё сравнила её с Евангелием.

– Но ещё Толстой проповедовал самосовершенствование. Разве это расходится с идеями нашей партии? – возразила она.

– По-моему, это разные вещи, Аня. Мы изо дня в день говорим, что человек должен быть честным, добрым, развивать бесконечно свои способности. Но нашим заповедям следуют не все, даже те же христиане не исполняли все заповеди Христа. Существуют нравственные нормы, которые нарушаются на каждом шагу, даже нашими вождями. Но словосочетание новый человек, по меньшей мере, звучит противоестественно, хотя бы потому, что существует генетика и наследственность. Вот цепочка: психология подчиняется мировоззрению только в идеале, нравственность вытекает из мировоззрения и вырабатывает соответствующую психологию. Что ни деятельность, то и свой кодекс, хотя психология поведения берёт начало из нравственности или безнравственности. Так что свои законы морали. На самом деле и то и другое вступают в скрытое противоречие. Ведь человек часто меняет мировоззрение. К примеру, в экстремальной ситуации, в действие вступает инстинкт самосохранения. Поэтому нельзя воспитать в человеке героя, хотя нравственную готовность к такому поступку направить вполне можно разными способами то ли безвыходной ситуацией, то ли любовью к родине. А вообще для меня термин «новый человек» ассоциируется с роботизацией сознания человека, управляемого с какого-то неведомого пульта. Ты заметила, что нам всем присуще стадное начало? Это похоже на стирание граней интеллекта, которое способно привести к нивелировке сознания, что уже весьма близко к животному состоянию...

– Валерия, ты биолог, поэтому так думаешь. По-моему, «новый человек» – это гармонично развитая личность, – это высокий интеллект, – решительно возразила Анна Севостьяновна. Хотя в душе признавала суждения подруги.

– Да, это возможно, повторяю, только в идеале, как в фантастике. Если человек наделён способностями в разных областях науки, искусства, то я ещё поверю, но таких всесторонних людей очень мало. Надо в корне менять всю систему образования, чтобы человек стал таким. Толстой был мыслителем, художником слова, пахарь и проповедник, знаменитое его высказы-

вание: «непротивление злу насиллием» противоречит нашей идеологии... Кстати, и роман Чернышевского «Что делать?» о новых людях, но только не о новом человеке...

– По-твоему школа, выходит, не должна участвовать в воспитании человека, её задача только давать знания? А кто тогда возложит на себя обязанности воспитателя строителей справедливого общества? Ведь одной семье такая государственная установка не под силу?

– Но по каким законам воспитывать «нового человека»? В наших программах об этом не сказано! По каждому предмету расписаны часы на ту или иную тему. В них мы не найдём даже понятия кто такой «новый человек». Не мифом ли это пахнет? Ты рассказываешь детям о странах и материках, их климате, полезных ископаемых, географических особенностях и различиях. Я рассказываю о размножении и жизни организмов, о видах животных и птиц, о происхождении человека, о законах естественного отбора. Попробуй, приспособь мою науку под особь «нового человека». Вычленим слово «новый» и получим чисто физиологического человека со всеми его психологическими особенностями как социального существа старого и нового времени. Я вот учу детей, что человек произошёл от обезьяны, и прошёл гигантский эволюционный путь развития, а сама не верю, что это так. Я имею в виду вовсе не эволюцию, а само происхождение. Ведь теория ДНК приложима к каждому виду, как у человека, так и у обезьяны свой ДНК. Невозможно допустить переход от одного вида до более совершенного, даже если изменения структуры ДНК происходили на эволюционном уровне. Ведь сама эволюция предрасполагает развитие уже сложившихся видов таких, как питекантроп или неандерталец. И как морфологические типы предыстории современного человека, мало что объясняют нам, это лишь отправная точка познания и не более, тогда как природа закладывала создание высшего разума очень и очень давно, ещё до названных типов. А питекантроп, к примеру, всего лишь разновидность обезьяны самой близкой к человеку. Поэтому теория: человек произошёл от обезьяны, просто несостоятельна, к эволюции она никакого отношения не имеет, разве что косвенное. Так что обезьяна – это не предтеча высшего вида, она стоит, как и питекантроп, на отведённой ей природой ступени...

– Валерия, конечно, тут есть над чем поспорить, я не специалист в этой области, однако ты уходишь в сторону, – перебила Шелкова. – Для нас учение Дарвина сейчас неважно. Мы говорим о сознании, о классовой психологии, мы отрицаем общество, поделённое на классы, до революции, мы строим бесклассовое, равноправное общество...

– Аня, философия, как и идеология – это вовсе не науки, а способ мышления под определённым общественным срезом. Но философия приняла классовые признаки ещё с древних времён, она на вооружении партии, ей определили прокрустово ложе. А ведь она должна быть свободна от идеологии правящей партии, которая сковывает её развитие. Практически создана новая философия. Хотя во все времена были различные философские школы: Спиноза, Сократ, Платон, Аристотель, Гегель, Кант. Весь их опыт переплавлен марксистами и приведено к общему знаменателю классических категорий и законов. Наши философы единой теорией как бы обезличены. Они не могут быть идеалистами, а только материалистами и это сдерживает развитие современной философии. Я верю, что можно воспитать порядочного человека, живущего сообразно своим идеалам. Но при этом нельзя забывать, что общество развивается по своим законам, которые не приемлют идеологию, скажем, сдерживания развития. Ограничение свободы личности конкретными задачами партии расходится с физиологическими и духовными потребностями человека. Новый человек – это продукт будущего. Но это не устранил социального неравенства, а бесклассовость – это утопия. Ведь мы наблюдаем эволюцию жестокости, эгоизма, пороков. Человек отнюдь не добреет, он по-прежнему завистлив, злобен, алчен, мстителен, утратил понятие чести, достоинства. Наблюдается скачок назад, будем прямо говорить, женщины эмансипировались до утери женственности, что им очень нравится. Короче говоря, сама женщина отрицает в себе гармонию, принимая в угоду ложной моде чуждый её природе облик. Простые люди не верят в приход справедливости, хотя у нас

сложилось так называемая историческая общность – советский народ. И получили новое общество со своими пороками: спекуляция, очковтирательство, приписки и т. д. Поэтому новый человек на практике невозможен...

– Почему, Валерия, возьмём Тургенева – моего любимого писателя, который вывел в романах целую галерею так называемых лишних людей. Для того времени они были новыми людьми, их сослали на Кавказ, в Сибирь. В наши дни – это передовики производства, герои труда. А у Чернышевского новые люди: Вера Павловна, Рахметов...

– Аня, я понимаю тебя, людям нужны маяки, как в море кораблям, чтобы не сбиться с намеченного курса. На западе рекламируют товары, а у нас передовиков ставят всем в пример. Получается трагикомическая ситуация: передовик дома колотит жену. А по телевизору показывают, сколько он хлеба намолотил, сколько угля добывает, сколько стали сварил. В то время как жена вкалывает не меньше: и в поле, и на огороде. Я пессимистка, и скажу так: тонкость нашей идеологии состоит в том, что она передовыми стахановскими движениями стимулирует производство, и тем самым эксплуатирует человека за ту же самую зарплату, что и раньше, до провозглашения рабочего передовиком.

– Мы так к истине и не пришли, – подвела черту Анна Севостьяновна. – Я удивлена тобой, Валерия. Спорить с тобой не хочу.

Подруга только добродушно улыбалась, плавно покачивая головой, – прислушиваясь к музыке Бетховена.

Шелкова и Соболева всегда заканчивали спор мирно, а оттого, что выяснялись их диаметрально противоположные взгляды, их отношения отнюдь не портились. К тому же при всей полярности воззрений они не испытывали друг к другу даже завуалированной враждебности. И с каждым разом их взгляды постоянно обновлялись, они отчего-то отказывались и что-то вновь принимали на веру, а в чём-то, как и все люди, заблуждались, при этом искренне веря, что жизнь со временем будет меняться к лучшему...

Это был период, когда «хрущёвская оттепель» сменилась брежневским застоём. Но в школе никто не обращал внимания на общественное затишье, пришедшее тогда на долгие годы в результате усилившегося идеологического диктата. А в целом наступило время для карьеристов, двурушников, которые весьма удачно продвигались по иерархической лестнице, преодолевая одну ступень за другой с помощью закулисных интриг, подсиживаний, доносительства. Ловкие идеологи и политики, руководители и хозяйственники всё больше убеждались, чем убедительней произносить с трибун обещания и заверения о поступательном развитии общества и в преданности партии, тем для них выгодней. Сделанное, неважно как, подтверждалось сказанным, а результат этого должен откликнуться в будущем новыми перспективами по пути самого гуманного строя...

Глава 5

В первый раз председатель Новозырковского райисполкома Николай Сергеевич Бобров увидел Анну совершенно случайно. Это произошло в школе, куда Николай Сергеевич приехал посмотреть, какой там требовался ремонт. Незадолго перед этим младшая дочь Наташа как бы вскользь обмолвилась, что у них есть учительница примерно таких же взглядов, как и у него, отца.

Тогда Николай Сергеевич многозначительно промолчал. Хотя точно не знал, насколько серьёзно Наташа делала намёк. Потом о разговоре с дочерью он забыл. И только через какое-то время, прочитав письмо из отдела образования о выделении средств на проведение ремонта в Дамишинской школе, в которой его дочь практиковалась на третьем курсе. Его внимание привлёк не сам этот документ, а то, что он вспомнил слова Наташи...

А тут ещё о ней газетная заметка бывшей выпускницы школы, где работала учительница.

В тот же день Николай Сергеевич решил лично съездить в сельскую школу, и посмотреть какой объём ремонта должны включить в смету. Обыкновенно такую работу он поручал своим заместителям...

Директор школы, Иван Афанасьевич Шпалин, поджарый, плотный, сопровождал по длинному коридору районного начальника, рассказывая о своих хозяйственных проблемах. Бобров слушал и одновременно смотрел в классы и кабинеты. Занятия в школе к тому времени закончились, но учителя по домам ещё не расходились. Шпалин увидел, как Бобров загляделся в кабинете географии на Шелкову, и счёл необходимым представить ему молодую учительницу. Она при нём встала, ответила на приветствие. Он махнул рукой, чтобы она села.

Николая Сергеевича смутила её молодость, и она казалась, необычайно красивой с выразительным лицом, умными тёмными глазами, в которых вспыхивал и приугасал лукавый блеск, каким она его так и окатила, и на миг даже замерло дыхание. Казалось, миновала целая вечность, как она зорко на него смотрела, как много ему сообщили её глаза, таившие улыбку оттого, что она, наверное, прочитала на его лице понятные ей мысли и представилась вся его прошедшая жизнь, а от этого готова к пониманию и участию. И как ни наивны были его представления о ней, он понял, что эта милая женщина ему нужна. Ему представилось, будто она не видела в нём районного начальника, приехавшего в сельскую школу, что здесь случается нечасто. Так свободно она смотрела на него. Бобров прикидывал, какой ремонт нужен её кабинету, и смотрел на давно некрашенный пол, половицы которого были стёрты. Хотя кабинет, несмотря на старую мебель, был опрятный. Бобров сказал, что столы, которые уже не раз ремонтировали, пора заменить.

– А тут и рамы оконные, двери надо менять, – сказала Шелкова.

– Обязательно заменим! – он посмотрел на учительницу и смутился.

«Не о ней ли ему недавно говорила Наташа, – подумал Бобров. – Вот такие учителя олицетворяют нынешнее время! А строгая, наверно?»

Шелкова не выходила из головы Николая Сергеевича и даже, когда со Шпалиным вышли на школьный двор, чтобы обойти всё здание по периметру и осмотреть хотя бы издали кровлю, после чего снова вошли в школу.

– Я ведь тоже когда-то был директором, – сказал Бобров, поглядывая между тем вдаль коридора, где находился кабинет понравившейся ему учительницы. – Сердцем принимаю ваши заботы и чаяния. По силе возможности непременно поможем, – заверил он.

– Признаться, я не думал, что так быстро откликнетесь, – заговорил Шпалин. – Наталье Николаевне я обронил как бы в шутку и походя. Извините, что воспользовался вашей дочерью...

– Я не потому приехал, что моя дочь у вас начинает работать самостоятельно. Просто, знаете, иногда тянет уйти в молодость. Свой путь руководителя я начинал со школы, это мне очень дорого, от этого никуда не уйдёшь, – проговорил Бобров и про себя немало удивился, что Наташа как раз насчёт просьбы директора ничего не передавала. И он воздержался об этом признаться директору.

– Верно, это верно. Я слышал, будто вас переводят на другую работу? Поэтому подумал, что вам теперь не до нас, – сказал Шпалин, глядя на него преданными глазами.

Бобров насторожился, услышав о себе такую новость, насупился, и недоумённо посмотрел на директора. Шпалин под его взглядом подобрался, опустил виновато глаза.

– Вот какие люди, признаться, я впервые это слышу, а уже слухи распускают! Всё это враки, дорогой мой коллега! А если сказать по-честному, надоело, жутко надоело воевать с ветряными мельницами. И сколько не воюю, а меньше их не становится, а всё отражается на здоровье. Но кому-то и это надо делать...

Шпалин, приложив руку ко рту кашлянул, иносказательность председателя райисполкома он растолковал по-своему. О Боброве ходили самые разные толки, что он крайне нетерпим ко всякого рода хапугам, спекулянтами и жулью, рядящемуся в партийные одежды, что жена его создала за спиной мужа свой «кабинет», что он раскрыл подпольный цех, а это кому-то не понравилось, и его уличили во взятках. Похоже, слухи о его смещении под видом перевода ходили не зря. Видно, этот процесс кто-то хотел ускорить с помощью сплетен...

Николай Сергеевич прервал свои размышления, ему, как никому, лучше всех известно, что слухи рождались не на пустом месте. Он знал, что врагов у него хватало – чуть ли не на каждом предприятии и даже в райисполкоме, которых мог перечислить поимённо. А с теми, кого хорошо знал, ничего не имел общего. Хотя они-то и были заинтересованы в его смещении, плетя интриги. Но пока первый его понимал, поддерживал, Бобров не ждал от него защиты, так как он и сам, Вячеслав Гаркушин, не был всемогущим, подчиняясь области...

Шпалин зазвал дорогого гостя в свой кабинет.

– С вами приятно беседовать, Николай Сергеевич, – начал несколько льстиво Иван Афанасьевич. – Можно было бы и выпить, и на рыбалку съездить, знаю я хорошие рыбные местечки... Дома у меня своя пасека. Вот вывезу её летом... и приглашаю к себе вас в гости.

– Спасибо, конечно! Но, знаете, этими посулами не соблазните и не надо меня обхаживать. Иван Афанасьевич, рыбалка, выпивка – всё это замечательно и заманчиво, а мы сейчас на работе, а что будет завтра – не ведаем. Хотя я давненько не был нормально в отпуске, не поверите, а это так и есть! В санатории был один раз, старые раны бередают...

– Да почему же вы так считаете, Николай Сергеевич? Дурных намерений в голове не держу. А к вам я отношусь с большим уважением, – Шпалин приложил к груди руки, выражая этим самым неподдельную искренность. Ему как будто было неприятно за то, что Бобров чуть ли не уличил в лицемерии и подхалимаже.

– А люди мне и вам в душу не смотрят, какие чувства испытываем, они судят о человеке по фактам. Увидят нас вместе на реке с удочками, и пойдут гулять домыслы, что пропиваем государственные денежки, – он махнул рукой, давая тому понять, что разговор закончен. Вот и выпивал он из-за этого сам, боясь кривотолков, которых и без подношений хватало...

Боброву не терпелось спросить у Шпалина о той учительнице-шатенке, с глубокими выразительными глазами. Но язык, как заклинило, не поворачивался; да ещё смутился, что директор сразу поймёт, что он положил на коллегу глаз. И не хотел перед ним обнажать свои чувства. И вместо того, чтобы заговорить о ней, Николай Сергеевич пообещал, что на ремонт школы и мебель выделит средства из отдельного фонда, без рыбалки и выпивки у костра.

Обговорив детали, в какие сроки приведётся ремонт, они вышли из школы, остановились на крыльце, с которого на три стороны сбегали бетонные ступени. Школа стояла на возвышенности, откуда частично открывался чудесный вид на село, на дорогу, которая вела в город.

Шофёр из машины беспечно посматривал на шефа. Бобров достал из пиджака пачку сигарет, протянул Шпалину, но тот оказался не курящим.

– Бросил давно, спасибо, приезжайте к нам, Николай Сергеевич, – снова проговорил директор.

– Хорошо здесь, простор, чистота природная, не тронута городской цивилизацией, воздух свежий, как родник. Весну можно чувствовать только на природе, – сказал Бобров, закуривая.

В это время из школы вышла уже знакомая ему учительница, ещё с одной, весёлой. Николай Сергеевич тогда ещё не знал, что судьба к нему благоволила. Учительницы вежливо попрощались со Шпалиным, а получалось как бы заодно и с ним. От молодых женщин на него повеяло свежестью, и казалось, весь мир улыбался. Бобров почувствовал, что уже немолод, и сердце заняло тоскливо. Он был с женой разведён и от этого испытывал одиночество, особенно дома, когда дочери уходили. А потом старшая Людмила окончила пединститут и уехала по распределению в Мовель. Разлука с дочерью усиливала одиночество и только мысли о том, что рядом с ним Наташа, это его подбадривало. А когда вечером она уходила, ему делалось жутко, он пил коньяк, желая заглушить тоску. К полночи со свидания возвращалась младшая дочь, и становилось немного легче. По хмельным, тусклым глазам она видела, что отец не раз уже за вечер прикладывался к бутылке. Она была рада, что Николай Сергеевич, как раньше, не задерживался на работе. В один из таких вечеров Наташа заговорила с отцом о знакомой учительнице, так как не могла уже наблюдать, как он в одиночестве спивается. А Боброву было неприятно выслушивать её нотации...

Сейчас, стоя на крыльце сельской школы, вспомнив вечерние разговоры с дочерью, Николай Сергеевич не удержался и спросил Шпалина:

– Какой предмет ведёт эта высокая шатенка? Вы называли, но я стал рассеянным?..

– Шелкова Анна Севостьяновна? Она географ, местная, а другая – Валерия Александровна – биологию. Молодые, наша смена, – отрекомендовал Шпалин. – У нас мужчин не хватает. Анна красивая, воспитывает дочь, а с мужем не повезло...

– Да? – вздохнул Бобров, вспомнив, что дочь говорила ему как раз об этой учительнице. И вот какое счастливое совпадение! Но для него она очень молодая. Если Наташа считает, что она ему подходит, значит, возраст не помеха? Да разве он чувствует себя безнадёжным стариком, нет, он полон сил начать жить заново. Женщины его всегда интересовали, но посторонних связей, живя с женой, на работе не заводил. Могли прогнать за аморальность с должности. И не без того, влюблялся, конечно, много раз, но вовремя подавлял свои чувства, на ответственной работе нельзя было расслабляться... Про свой санаторный роман, он как будто уже забыл...

Бобров ехал в город в служебной машине и думал о том, как бы пригласить Анну в гости? Дома уже давно не собирались родственники и друзья. Прошло три года как они с Галиной развелись. Бобров вспомнил, как она ему выговаривала, что он её бросает из-за другой женщины, что он давно имел любовницу, а именно с того времени, как дочери отучились, обрели самостоятельность. Теперь ей не за кем было присматривать, поэтому ему она больше не нужна. Хотя почти это же самое от бывшей жены он слышал и раньше. Однако на нервные выпадки Галины Егоровны Николай Сергеевич всегда отмалчивался, оправдываться перед падшей женщиной он не имел никаких оснований. Собственно, по существу, не в чем было оправдываться. Но если она, не переставая, сыпала огульные обвинения, только в этом случае он терял терпение и резким окриком просил её замолчать, в противном случае готов был вышвырнуть её на улицу...

Потом был нудный развод без его участия. Галина ушла, пережив целую драму, чуть было не покончила с собой. А он даже в больницу к ней не соизволил прийти, так всё донельзя надоело, выело душу. Но всё, наконец, закончилось, пьяный дурман из квартиры выветрился. Казалось, время шло бесконечно, долгие месяцы одиночества, он чувствовал, что ещё был

полон сил, чтобы всё начать сначала. Однако в квартире томился, как монах в келье, потому что по-прежнему испытывал непреодолимое желание иметь рядом любимую женщину. Ведь в Галине он рано разочаровался, теперь нечего было в памяти ворошить всё, что связывало их долгие годы и доискиваться, почему так произошло, что они уже не могли оставаться вместе? Просто он не испытывал желания копаться в старом белье, так как издавна приучил себя к твёрдым, непоколебимым помыслам, а расслабляться по пустякам удел слабаков, безвольных людей. И всегда смотрел на женщину, как на существо бытового пользования, способное создать и поддерживать для него уютную обстановку с максимумом удобств. Он понимал, что так обращаться с женщиной для настоящего мужчины непристойно, но со своей жестокой натурой совладать не мог. К тому же вдобавок он не умел выражать открыто свои чувства, а если когда пробовал, то испытывал невероятное стеснение. Почему же раньше об этом он не думал? И теперь многие прописные истины открывал для себя как бы заново. К примеру, совершить бестактный поступок по отношению к женщине и ей же нагрубить намного легче, чем проявить перед ней себя самым галантным молодцем...

Николай Сергеевич представлял, как он встретится с Анной Севостьяновной, как отважится сделать ей предложение после сбивчивого, неуклюжего признания в любви, как она его околдовала своей красотой и должна принадлежать человеку с такими же духовными запросами, как у самой. Конечно, он имел в виду себя, потому что в своей безукоризненной честности никогда не сомневался, и ни разу себя не скомпрометировал дурным, предосудительным поступком. При этом он отлично знал, что умная женщина ни за что не потерпит рядом пьющего мужчину. Эта печальная догадка его огорчала. Наверное, придётся поступаться своими «чревоугодиями». А с другой стороны, умная женщина как раз должна бы понимать, что после нервных дневных перегрузок порой необходимо расслабиться с помощью спиртного. Как бы там ни было, Бобров сознавал, что с такой женщиной ему будет весьма нелегко, у неё, должно быть, большие требования в соблюдении супружеских обязанностей. И в то же время, если рядом нет совсем никакой подружки, то это ещё во много раз хуже...

С такими мыслями Николай Сергеевич приехал в райисполком, а потом в продолжение всего рабочего дня они по наитию к нему возвращались, будто по команде свыше. В этот день работа как надо не шла на ум. Однако рабочее время истекло почти незаметно, а он сидел, не шевелясь, думая о дочери, как сказать Наташе о своём открытии той, на какую она намекала ему. Но закрадывалось некоторое сомнение, верно ли она полагает, что Анна полностью отвечает его взглядам и способна понимать и поддерживать в трудную минуту? А почему бы нет? Ведь Наташа, хоть совсем ещё юная женщина, тем не менее способна безошибочно определять, какие люди подходят друг другу. И это несмотря на то, что у Наташи пока нет необходимого жизненного опыта. Хотя в какой-то мере, как и многие в её возрасте, она импульсивная. И вместе с тем у неё ещё нет глубокого знания людей. И даже с учётом жизненных реалий она не может видеть всех сложностей человеческой природы, и тогда ей недолго ошибиться. А для чего в таком случае он со своим богатым жизненным опытом? Даже на войне среди своих произошло предательство. После выхода из окружения несколько десятков бойцов окопались в лесу, они решили создать партизанский отряд. Об этом узнали местные партийные власти, кто-то донёс, что в лесу объявились неизвестные партизаны. Им было предложено соединиться с ними. Объединение произошло. И вот их командира, политрука Иванова нашли убитым. Причём его обвинили в том, что он был в плену, бежал с целью вести в тылу подрывную среди партизан работу. В то, что Иванов был завербован немцами, была полная ложь, так как Николай Сергеевич точно знал, что политрук, как и он, выбирался из окружения со своими бойцами. А потом они возле села Хомутовка слились в один отряд. Уже после войны Бобров вместе со своими товарищами Гореловым и Бахрамковым провели расследование. И выяснилось, что Иванов был убит по приказу секретаря Хомутовского райкома Будракова. Все документы были уничтожены с той целью, чтобы не Иванов считался основателем партизанского отряда,

а он, Будраков. Иванова убил водитель Будракова, в тот момент он оказался вместе с ним. Когда политрук склонился над раненым бойцом, в спину получил удар ножом. Будраков объявил командира перебежчиком, чем тот как бы подтвердил то, что Иванов был связан с немцами. Но боясь разоблачения, сбежал. Однако скоро выяснилось, когда жители села собирали в лесу сухие дрова, они увидели, как двое мужчин тащили третьего к оврагу и стали там его закапывать. Селяне крикнули, мол, зачем своего товарища как собаку закапываете, они могут помочь похоронить на своём погосте. Но те двое вдруг пустились бежать.

Когда селяне подошли к яме, они увидели полузакопанный труп и об этом сообщили партизанам. Иванов был опознан и с почестями погребён. Будраков со своими партизанами ушёл в соседний район. Так что только после войны он был разоблачён и предан суду...

Николай Сергеевич очнулся от своих воспоминаний и вернулся к реальности. Будракову во всю войну он не доверял, тот казался хитрым, ловким, находчивым. Но не в хорошем смысле слова, а в том, каким он оказался на поверку. А ведь будучи политически подкованным, он мог правильно изъясняться, что к нему не придерёшься – свой в доску и всё тут! Бобров махнул рукой, чего ради стал подвергать сомнению женщину-педагога? А всё оттого, что Николай Сергеевич не причислял себя к безоглядно влюбчивым натурам. И даже находил у себя черты мизантропа и собственника, что противоречило, как он считал, мировоззрению коммуниста. «Женщина красива только внешне, – думал Бобров. – А внутри у неё клубок порочных страстей. И до поры до времени они находятся в зачаточном состоянии, которые при благоприятных условиях, выходят наружу в виде пошлости, развязности, вульгарности, как это и произошло с Галиной».

Зато Анна с первого взгляда произвела на него впечатление духовно богатой натуры, внешняя красота которой сочеталась с развитым умом, и вместе они делали её недоступной. Эта молодая женщина притягивала и отпугивала, волновала и настораживала, и долго не отпускала от себя. А когда ехал в город, она представала перед глазами, и словно летела, и манила, пробуждая в сознании множество вопросов, на которые невозможно было получить исчерпывающего ответа. Вопросы вспыхивали в сознании и как светлячки вились перед глазами, и, отлетая в темноту, будто гасли навеки. Но для него даже без ответов на них всё равно было ясно, что он должен жениться на Анне. Тем не менее, думая об этом, он представил, как нелегко будет ему сделать предложение. Но тут Николай Сергеевич опомнился, ведь с ней он ещё не знаком, а уже выдал замуж. И его охватило уныние, что перед ней он начнёт пасовать. Но тут же удивился, что мысли повели его в чуждое ему направление, когда он даже не знал, какой найти предлог для сближения. И на первых порах надо хотя бы завести дружеские отношения, а потом уже думать о браке....

Глава 6

Николай Сергеевич Бобров был невысок, но крепкого коренастого телосложения. По своему характеру, он своенравный, малоуступчивый, жёсткий, честный и принципиальный. В малых и больших делах для него ничего лишнего, второстепенного не существовало. Говорил немногословно, но всегда по существу, и длинных рассуждений не любил, за которыми не видел реальных и практических дел... Бобров с восьми лет попал в детдом, отца своего он не знал, так как мать не состояла с ним в браке. В колхозе она работала на свиноферме, когда в её дежурство вспыхнул пожар, дознались, что в то время она спала. За содеянное зло неизвестным нужно было кому-то отвечать и её осудили на пять лет лагерей за вредительство. Так что в детдоме Бобров познал сполна, что такое сиротство, но после выхода из детдома он не стал ни вором, ни бандитом, как тогда часто становились на преступный путь бывшие детдомовцы. И всю жизнь Николай Сергеевич гордился собой, что вышел в люди, защищал родную землю, вырастил двух дочерей...

Но это далеко не весь портрет человека, который с молодых лет прошёл суровую школу жизни. Тем не менее закончил педагогический институт, прошёл войну, партизанил. Кстати, о военной биографии Бобров не распространялся, так как не всё было гладко, не всем можно было гордиться. Во время войны воинская часть, в которой он служил, попала в окружение. С трудом выбрались из западни, Николаю Сергеевичу как младшему командиру поручили создать из бывших власовцев партизанский отряд. Поручение партии он выполнил, ходил с бойцами на боевые задания, подрывали вражеские эшелоны, взрывали немецкие склады, препятствовали вывозу в Германию населения, сырья, зерна. После контузии на фронт не попал и после освобождения работал учителем истории, директором школы, немного инструктором в райкоме и наконец, долгие годы председателем райисполкома. Выныривал, пестовал хозяйственные кадры, с верой в светлые идеалы относился всю сознательную жизнь, какую бы ни выполнял работу. В нём органично сочетался практический ум с нравственными устоями преданного воспитанника партии. Он никогда своим помощникам не поручал того, что всегда исполнял неукоснительно сам. Зато работу подчинённых проверял педантично и за неисполнение приказов строго спрашивал вплоть до увольнения, если дело не ограничивалось выговором. Потому руководители предприятий и организаций Николая Сергеевича побаивались. Не дай бог к нему просочится подрывная информация, тогда не сносить никому головы; очковтирателей и формалистов он безжалостно изгонял, ставя более молодых, и как умел их воспитывал. А потерпевшие от самоуправства Боброва искали защиту в райкоме...

К тому времени по городу Новозырково ходили слухи, что жена председателя райисполкома и в обществе, и в быту ведёт себя не совсем порядочно. Галина Егоровна действительно ударилась в праздную жизнь. С мужем ссорилась из-за того, что Николай Сергеевич не поставил её на руководящую должность, даже когда выросли дочери. Хотя у неё для этого не было высшего образования, впрочем, Бобров не только из-за этого не хотел вознести жену, просто такое право необходимо было заслужить, проявив себя хотя бы на низшей руководящей должности. А ведь Николай Сергеевич сознательно отводил жене роль почтенной домохозяйки, матери его детей, которыми были две прелестные дочери. В их воспитании заслуга жены была несомненная. Но к этому времени, когда старшая дочь была уже выпускницей пединститута, а младшая старшекласницей, Галина Егоровна уже сильно пила. И во всех своих неисчислимых бедах обвиняла исключительно мужа, что опустилась из-за того, что содержал её, как домработницу, и потому она не стала в обществе незаурядной личностью...

Николай Сергеевич всегда выслушивал супругу не без душевной муки, отчасти находя в её обвинениях долю правды. Ведь действительно он был неправ даже больше и чувствовал свою вину лишь в том, что она безнадежно спилась. Он всю жизнь боялся себе признаться,

что жену не мог выпустить в свет по причине своей дикой, порой необузданной ревности. Вот почему изначально отводил Галине незавидную роль домохозяйки, чем почти сознательно её унижал. Первое время такое оскорбительное отношение мужа она стоически терпела. А потом решительно высказывала всё, что о нём думала, дескать, этот деляга, кроме служебной «Волги», не способен иметь свою машину. У всех были дачи, а у него одного не было, он даже по воскресеньям отправлялся в райисполком, работал ежедневно кряду по десять, пятнадцать часов...

Всего лишь два раза они с дочерьми выезжали на юг к морю, да несколько раз Галина Егоровна сама ездила. После отдыха на курорте она выглядела загоревшей, помолодевшей, с лучистым блеском в голубых глазах. А потом снова втягивалась в будничные заботы о семье. Со временем от нестерпимой тоски и от безделья, которые разъедали, как ржавчина, душу, стала пить, нашла по себе и по несчастью подходящих подруг...

Николай Сергеевич долго не знал, чем занималась его супруга, когда он был на работе? Впрочем, так казалось только дочерям, пока они не стали смотреть на отца более чем странно, которому это бросилось в глаза.

– Папа, – как-то обратилась к Боброву старшая Людмила, – почему ты не обратишь внимания на поведение мамы?

– Что ты под этим имеешь в виду? – опешил Бобров, не ожидая категоричного упрёка дочери.

– Да ведь, она уже три недели безбожно пьёт! Разве ты не видишь? – изумлённо ответила младшая Наташа.

Николай Сергеевич нервно передёрнул плечами, как от холода, затем отчаянно взмахнул руками и недоумённо посмотрел на дочерей, выказывая тем самым беспомощность, чего от него не ожидали.

– Но что я могу поделать, может, ей рот заклеить?! – вспыхнул отец. – Кстати, для чего вы у меня это спрашиваете? Сначала узнайте, где она бывает, почему выпустила из рук домашнюю работу? И доложите мне немедленно! – нашёл в себе силы, закрыв лицо ладонями.

– Как не стыдно, папа! Неужели мы должны бегать за ней по всему городу? – отрезала с обидой Людмила.

– Тогда мне остаётся бросить государственные дела и заняться воспитанием матери? – Николай Сергеевич выгнул грудь колесом, как-то деланно встал на носки и опустился на пятки. Его лицо покраснело, от волнения он тяжело дышал. Он был сам изрядно навеселе, потому глядеть на дочерей остерегался.

– Прочь от меня, если вы не помощницы! – заголосил Бобров, ещё сильнее покраснев от нервной натуги. – А хотите знать, мне давно не секрет, что мать пьёт. Слава Богу, хоть вы уже взрослые. Но чего сами не поговорите, у меня к ней, извините, всё давно отгорело... Хотите знать, какие причины привели к этому? Не сейчас, а в другой раз... Такую для неё создал царскую жизнь, а ей всё равно не так, подавай должность...

Николай Сергеевич запнулся, махнул отчаянно рукой, спрятал стыдливо глаза оттого, что чуть было не проболтался. Между тем он заметил, как Людмила многозначительно переглянулась с Наташей, обречённо пожала плечами, мол, дальше говорить бесполезно. Однако им донельзя было жалко отца, ведь дурные слухи о матери, которые ходили по городу, разрастались всё больше. Хотя дочкам тоже было очень стыдно перед всеми знакомыми.

Бобров не мог сказать дочерям, что был готов развестись с матерью хоть завтра. Несмотря на то что такое решение он принял давно, но развестись в суде он стеснялся. Можно было послать адвоката. Другой бы на его месте набрал телефон председателя суда и келейно наметнул оформить бракоразводный процесс, и чтобы ни один слух не проник в общество. В районе его поймут те, кто наслышан о проделках его жены, и этак по-дружески пожурят, что не удержал семейный руль. А те, кто не знают, за глаза осудят, что отразится на его дальнейшей карьере.

И как раз этого он не мог допустить, чтобы на весь город прослыть руководителем с подмоченной репутацией. Но беда в том, что семейные неурядицы всё равно просочатся даже через самые толстые степы.

Николай Сергеевич действительно перестал интересоваться делами жены, её связями и тем, где она пропадала с подругами, с кем проводила время? Хотя ещё смолоду он предупреждал Галину: чтобы соблюдала нравственность, сохраняла супружескую верность и остерегалась блуда. Она была общительна, умела лицедействовать, хотя о своих обязанностях не забывала и всемерно о нём заботилась. Но с годами, правда, всё меньше искренне, и всё чаще на него озлобляясь. Николай Сергеевич не выносил раздражение жены. И пришло время, когда в треснутых отношениях с женой уже ничего нельзя было изменить. Хотя казалось, всё так же продолжала заботиться о семье, поддерживать супружеские узы, подчёркивая своё унижительное положение домохозяйки. А он, пустив всё на самотёк, не видел должного выхода из создавшегося тупикового положения...

Супружеская жизнь руководителей среднего и высокого рангов для обывателей покрыта тайной. Проведение закрытых саун, вечеринок, пикников в ту пору считалось престижным лишь в узком кругу. Но в таких мероприятиях Николай Сергеевич никогда не принимал участия. И вовсе не потому, что соблюдал моральные заповеди, просто не был сладострастником и любителем публичных празднеств. Однако безгрешным он тоже не считался, впрочем, он единственно, что позволял себе, это когда без застолий не решались хозяйственные дела. Но часто это происходило в конце рабочего дня, в задней комнате, которая примыкала к его кабинету, где в сейфе для непредвиденных случаев стояли две-три бутылки коньяка. А бывало он выпивал в одиночестве, после чего шофёр отвозил его домой. Зато среди дня его никто не видел пьяным, но бывало совещания проходили так бурно, что приходилось прибегать к рюмке... Но и думы о том, что семья неумолимо распадалась, он переживал тяжело, вспоминая ту пору, когда стали жить с женой. Он ещё учился, затем работал учителем истории, родились дочери. Всё для них складывалось хорошо. Но когда стал председателем райсовета, вот тогда Галина Егоровна потребовала быть на работе рядом с ним. Но он не потерпел её своеволлия, и она жила замкнуто, уже по инерции, отдав себя полностью во власть судьбы. Дочери пытались привести мать в чувство, призвать к разуму, памятуя о разговоре с отцом, отдавшим мать им на поруки. «Если усилия дочек не помогут, – думал Николай Сергеевич, – то её уже ничто не вернёт в семью к нормальным отношениям. А были ли они когда, ведь каждый из них давно жил в своём мирке, с закрытыми друг от друга душами. Куда же всё кануло, когда ушло уважение, доброжелательность, или этого никогда не было, а была лишь одна внешняя видимость добрых отношений?» Да, пожалуй, он выпустил жену из рук в кипучем водовороте своих дел. На руководящей должности его душа очерствела, он не видел живых людей со своими проблемами, а только требовал от них работу, что, конечно, самого донельзя изматывало. В семье он отдыхал, праздники всегда отмечали вместе с родственниками и фронтовыми друзьями...

У Галины широкий круг знакомых в основном составляли торговые работники, которые поддерживали с ней связи исключительно как с женой председателя райисполкома. Об этом он, конечно, не догадывался, но Галина Егоровна иногда обращалась к мужу с просьбами от своих мнимых друзей, испрашивавших разрешения на право торговли в том или ином местечке. Именно тогда Галина Егоровна раскусила, что у мужа могли быть побочные источники дохода. Но он их не использовал из-за каких-то отживших предубеждений. И всё равно то, что ему не перепало, уходило к его помощникам, так как, не добившись от мужа разрешения, Галина Егоровна в обход преда, обращалась к его замам, которые, впрочем, откликались на её убедительную просьбу не сразу, поскольку в этом усматривали подвох, будто таким образом муж проверял своих замов на неподкупность. Но приходилось разъяснять, совала им конверты, что их подозрение совершенно необоснованно...

Николай Сергеевич только мог догадываться о проделках супруги, когда ему высказывала оскорбительные замечания, что его честность никому не нужна, что он всем мешает работать и дожётся, пока его вытолкнут из насиженного кресла председателя. Собственно, на него уже никто серьёзно не обращал внимания. Это признание жены Боброва сильно взбесило, он накричал на Галину Егоровну, при этом хорошо понимая, что конкретно она имела в виду...

На следующий день он приехал на работу чрезвычайно сердитым, как чёрная грозовая туча, насел на заповедник, созвал всех на срочное совещание. В течение получаса на их головы сыпались громогласные разряды его гнева. Естественно, Николай Сергеевич обещал ухватить за руку мздоимцев, а взяточдателей беспощадно разоблачать и каждого отдавать под суд.

Как правило, в райкоме уже всё было известно. На бюро заслушивали Николая Сергеевича, выносилось очередное постановление по усилению борьбы с проявлениями стяжательства, очковтирательства, формализма и частнособственнической психологией, это когда руководители отдельных предприятий превращают их в свои вотчины. Однако вскрытые и давно раскрытые злостные явления продолжали благополучное существование. И по-прежнему все работали на своих местах. А Бобров продолжал усердно трудиться, при этом делал вид, что очищение сознания от пережитков у людей проходит хоть и тяжело, но положительные сдвиги были налицо...

Глава 7

Выручила Николая Сергеевича сама Наташа, которой стало известно, что отец посетил школу и встречался с директором. Шпалин сам заговорил с ней о визите Боброва, когда зазвал её в кабинет. Она тотчас сообразила, с чем была связана эта поездка отца, так как пробудила у него интерес к Анне Севостьяновне. Конечно, он мог бы её не увидеть, ведь они не были знакомы. К тому же отец, как настоящий коммунист, отличался безупречной скромностью. В работе он был напорист и настойчив, а на личную жизнь у него не хватало времени. Напрасно его было разубеждать, что сейчас убеждения никого не интересуют, что идеи всюду подменяются материальной выгодой. Но он презирал карьеристов и двурушников, которые при всяком удобном случае восхваляли, возносили до небес местных вождей, помогавших им всходить по служебной лестнице. Отец с удивительной лёгкостью распознавал людей с лисьими повадками и с волчьими натурами. И, к сожалению, нахрапистых становилось всё больше, особенно когда началась откровенная погоня за положением и престижем в обществе...

Николай Сергеевич от всей этой безудержной погони стоял в стороне как бы в гордом одиночестве, без друзей и соратников, не считая товарищей по оружию в прошедшей войне. Бобров, конечно, видел, что даже дочери уже не разделяли его устаревших воззрений, называя его снисходительно старомодным, стоящим в идейном развитии на одном месте. Иногда Наташа пыталась раскрыть отцу глаза, что он безнадежно отстаёт от времени...

– Преступно подвергать ревизии мораль и порядочность! – сердито возражал Бобров. – Надо решительно осуждать приспособленцев, подхалимов, разоблачать казнокрадов и взяточников, – твердил он одно и то же.

– Ах, папа, кто сейчас борется? Да единицы вроде тебя! Наше время выдвигает новых людей, со свежими идеями, людей, способных перевооружать промышленность новой техникой, пора ломать устоявшиеся стереотипы, мешающие движению вперёд. Я не думаю, что они менее порядочны, чем ваше поколение.

– Наташа, мы давно это делаем. И всё равно наряду с умными спецами, проныривают с партийными билетами хапуги и стяжатели. В партию открыли ворота всем проходимцам и ловкачам, вот они погубят наше дело. Пора бы за метлу браться...

– Папа, сколько было чисток, тебе это хорошо известно. Надо систему менять. Ведь под метлу могут попасть как раз талантливые люди с новыми идеями, скажем, смелые покажутся нахрапистыми...

Этот разговор Бобров припомнил, когда ехал домой в служебной машине. Он никогда не думал, что Наташа была склонна к поучениям. И кого? Его, отца! Людмила совсем другая, она никогда не осуждала его взглядов, никогда не старалась подправлять его убеждения применительно к сложившейся обстановке в обществе. Но теперь она уехала в соседнюю область и там скоро выйдет замуж. Словом, впереди их семью ожидали сплошные перемены...

С такими ощущениями Николай Сергеевич и вошёл в квартиру. По короткому взгляду на дочь Бобров тотчас сообразил, что Наташа, похоже, его ждала. В её голубоватых, как у него, глазах сейчас проявилось нетерпение: скорее узнать, понравилась ли ему Анна. Осознание этого несказанно его обрадовало, и приподнятое настроение отца мгновенно передалось дочери, поскольку как никогда он хотел её видеть.

– Что, папа, ты побывал в нашей школе? – спросила пытливо она, простодушно глядя на отца, чтобы завязать разговор. Ей было весьма приятно смотреть на него ещё и потому, что сегодня у отца ясный взгляд, а это говорило о том, что он совершенно трезв.

– Заезжал проездом, – нарочито вялым тоном ответил Бобров. Однако немного тушуясь под пристальным взглядом дочери, которая ненароком могла подумать, будто его потянуло

в школу по её не такому уж невинному наущению. – С директором обговорили предстоящий текущий ремонт. Поможем вашим худосочным шефам, – скупно прибавил он.

– Давно пора! – ему показалось, будто Наташа имела в виду не ремонт школы, а знакомство с Шелковой.

– По-моему, я видел ту учительницу, о которой ты однажды мне говорила, – не глядя на дочь, насупив брови, обмолвился Бобров и спросил, слегка краснея: – Так почему же она одна?

Наташе показалось, что отец спросил с каким-то внутренним недовольством, точно она была виновата в том, что Анна Севостьяновна до сих пор незамужем, а раз так, то значит, тут скрывается какая-то загадка.

– Анна Севостьяновна вовсе не одна, у неё уже большая дочь. В молодости ей просто не повезло, ошиблась в человеке.

– Ты это сама слыхала от неё или судишь с чьих-то слов?

– Папа, да разве это так важно, разве женщина не может ошибиться? – удивлённо возмутилась дочь.

– Но что может быть общего между молодой женщиной и таким стариком, как я? – поинтересовался Николай Сергеевич, желая нарочно услышать мнение дочери. – Ведь ты считаешь, что я старомоден, – иронично протянул он.

– Так я уже говорила, что вас могут объединять общие взгляды, кстати, ваши характеры в чём-то очень схожи...

– Выходит, не я один устарел морально, – усмехнулся Бобров, а тебе хорошо известна её натура, чем она кроме красоты ещё замечательна для мужчины?

– Давай я приглашу Анну Севостьяновну к нам в гости, и ты сам убедишься, какой она интересный человек! – воскликнула Наташа, сияя восторженными глазами.

– Без веского повода как-то неудобно, – смущённо ответил отец.

– Кстати, скоро твой день рождения! – напомнила дочь, которая искренне считала: если отец женится на Анне Севостьяновне, он обретёт уверенность, откажется от спиртного. Вот же сегодня отец приехал без запашка, на что повлияла встреча с Шелковой. А не произойди она, то он снова был бы под мухой, ведь одинокие мужчины спиваются значительно быстрее, чем женатые. Наверяд ли когда отцу ещё представится такой случай встретить понимающую, терпеливую женщину, если упустит Анну Севостьяновну, которая действительно может стать настоящим другом и советчиком, несмотря на разницу в возрасте. Хоть отец и старой закалки, но вовсе не железный, так как за его ярко выраженной жесткостью, скрывается ранимая душа. Не от этого и он стал чаще, чем раньше прикладываться к рюмке, находя в спиртном способ защиты от внешних раздражителей?

Николай Сергеевич принял предложение дочери, он позовёт своих фронтовых друзей, а Наташа пригласит Анну Севостьяновну. К тому же в их доме уже давно никто не собирался, он отвык отмечать свои дни рождения, сроднился с одиночеством, как со вторым «я». И если бы не Наташа, он бы, наверное, отказался от такой затеи и продолжал бы жить один. Но его так сильно очаровала Анна своей царственной красотой, что тотчас пробудились забытые молодые ощущения. Оказывается, он ещё способен влюбляться, отчего даже окружающая обстановка как-то преобразается, что все люди кажутся милыми и добрыми. Вот только в его возрасте почти бесполезно надеяться на взаимные чувства с молодой женщиной. Но достаточно ли того, что она произвела на него неизгладимое и незабываемое впечатление, зарядила своей молодостью, чтобы они были вместе? Её физическая красота ещё выразительней оттенялась со вкусом подобранным костюмом под цвет карих глаз. Вдобавок была весна и ещё набирала благоухающую силу и величие природы...

Между прочим, Боброву и раньше нравились молодые женщины. Но при этом всегда боялся выглядеть смешным, не умеющим выразить своих чувств. При всём при том он был

воспитан в строгих правилах партийной этики, которая, впрочем, не мешала иным товарищам по партии безудержно увлекаться женщинами. Они не обращали внимания на моральные ограничения, так как охотно поддавались испытываемым страстям, которые были посильней партийной дисциплины. Николаю Сергеевичу были известны многие такие случаи, когда партийные боссы втайне от общественности устраивали за казённые деньги любовные оргии с подобранными специально для подобных увеселений девицами. Правда, сам он их, конечно, не видел, но знал, что это был вовсе не миф, ведь двойная мораль в те времена официально ещё не признавались, как опасное социальное зло и до его осуждения общество было ещё не готово...

Конечно, Николай Сергеевич не считал себя святым по части женщин. Он тоже увлекался, хотя они сводились лишь к комплиментам или пассивному созерцанию. Он развёлся уже тогда, когда дочерей не было дома. Одна уехала по распределению, вторая проходила в школе практику, где и работала сейчас. Кто-то ему позвонил, что жена вошла в подъезд с молодым мужчиной, который оказался старше Людмилы на десять лет, был сверхсрочником. Бобров своим ключом открыл квартиру и застал жену с ним в постели...

После развода Бобров впервые решил съездить в санаторий и там увлёкся курортной женщиной, которая, как и он, была одинока. У неё была семья, сын женился, и она любила ездить по курортам. Но продолжительных с ней отношений у него не получилось...

Глава 8

Людмила Боброва обликом была похожа на мать, но умом вся удалась в отца. Уже не учась в школе, она замечала, что Галина Егоровна заметно отделилась от отца, да и ведёт себя как-то уж очень странно. В отсутствие Николая Сергеевича дома собирались представительные женщины, с которыми раньше мать, если и была знакома, то весьма отдалённо. Они о чём-то шёпотом переговаривались, распивали вино, принесённое с собой. Дочь боялась говорить отцу о загадочных визитёршах...

Но однажды по телефону мать разговаривала с каким-то мужчиной. Сначала трубку подняла Людмила, мужской голос попросил позвать отца. Ей это показалось странным, чтобы среди дня Николая Сергеевича приглашали к телефону, поскольку в такое время он дома не бывал. Но тогда Людмила не придавала этому большого значения, мало ли чудачков бывает на свете. Потом тот же мужской голос попросил пригласить Галину Егоровну. Их разговор длился, однако, недолго, видимо, присутствие дочери помешало матери. А после она быстро начала одеваться. На все её расспросы Галина Егоровна отвечала холодно, дескать, надоело ей сидеть в квартире, должна по пути в магазин прогуляться на свежем воздухе. Людмила пошла к себе заниматься, и не видела когда мать вышла из квартиры, даже её не предупредив.

Из школы пришла Наташа, вошла к Людмиле. И как-то странно вертелась перед сестрой, поглядывала на неё несколько сосредоточенно и пытливо, не зная как при этом заговорить.

– Что, Наташа, двойку получила? – спросила Людмила, листая словарь иностранного языка, она готовилась тогда к выпускному экзамену в школе.

– Тебе мои двойки только и снятся, – обиделась Наташа, которая всем юным, но ещё подростковым возрастом, чертами лица и коренастой фигурой напоминала отца.

– А чего тогда мнёшься? Наверно, мать встретила? И что из этого, – сказала сестра, глядя пронизательно, не понимая, что Наташа тоже думает и переживает о матери.

– Ты угадала. Она так вырядилась, словно пойдёт на приём к министру! В театр в такое время не ходят. Почему ты её отпустила?

– А куда ей беречь наряды? – как бы вступилась за мать Людмила. – Дома отупеешь! Я её понимаю... пошла погулять в парк... Прикажешь на цепи держать? – усмехнулась она.

– Кому ты басни рассказываешь, вот всё отцу расскажу! Пусть найдёт работу, если скука её заела! – твёрдо сказала.

– Не вздумай говорить отцу? Я как-нибудь сама поговорю. Ты подала хорошую мысль: надо правда найти матери занятие по душе. Может, работа вернёт её к нормальной жизни...

Но отец почему-то не хотел об этом даже слушать. Он, видимо, боялся, что она ещё больше его опозорит, так как от спиртного теперь вряд ли откажется.

Спустя несколько лет, уже учась в институте, Людмила стала хорошо понимать, что Галину Егоровну за спиной отца использовали деловые круги города в своих корыстных целях. Когда дочь узнала, что мать почти сознательно подрывает авторитет своего мужа, она донельзя ужаснулась, и как никогда ей стало страшно. Причём этот подрыв был настолько очевиден, что дальше уже нельзя было терпеть растления матери. И нечистоплотные люди, используя Галину Егоровну в своих грязных махинациях, решили тайно погубить отца, встающего у них на пути. Всем ясно, что честный руководитель, фанатик идей, в деловом мире никому не понравится. А чтобы его свалить, необходимо было изыскать подходящий способ подрыва авторитета...

Однажды Николаю Сергеевичу пришлось озарение позвонить домой, чего делал в экстренных случаях. А теперь решил узнать: кто подойдёт к телефону? Он позвонил из своего кабинета.

– Ты, Люда? – услышал он голос дочери. – А где мать?

– Не волнуйся... она на кухне, и собирается позже сходить в магазин, – ответила Людмила, на всякий случай, придумала байку о магазине, если отец попросит позвать Галину Егоровну к телефону.

– Я надеюсь, ты ещё помнишь моё недавнее пожелание: оденься и проследи, куда она пойдёт, – попросил отец спокойным командным голосом.

– Папа, я и раньше тебе говорила, что это некрасиво... я не знаю, как надо следить!

– Тогда сама ходи в магазин, если ты ждёшь момента, когда она совсем меня опозорит! – выкрикнул иступлённо Николай Сергеевич, и в трубке послышались длинные гудки.

Конечно, Людмила отцу соврала, так как на самом деле матери дома не было. И она не знала, как ему в этом признаться.

Года три назад она предлагала отцу устроить мать на работу. Но он посчитал, что это не выход из положения. Если он боялся, что она никогда не бросит пить, тогда лучше отправить мать на лечение. Но он и такой вариант отмёл категорично. И всё из-за того, что не хотел позора на свою голову. А надо ли оставлять Галину Егоровну совершенно предоставленной самой себе и сомнительному окружению, которое с помощью жены коварно подбиралось к нему, и вдобавок она подвергала его опасности, что могло обернуться скандалом...

С таким бездушным отношением отца к матери, Людмила не соглашалась. А ведь она опускалась всё ниже и ниже, в то время как отец без конца терзался, и от этого сам тайком прикладывался к рюмке и с каждым годом всё больше и больше. С работы приезжал хмурый, задумчивый, с запахом спиртного. Николай Сергеевич чрезвычайно мучился, переживал, что запустил отношения с женой, ему было крайне неприятно и стыдно перед дочерьми за разлаженный семейный уклад, какой они знали с детства. За пьянство жены отчасти он винил себя, почему не преодолел своей склонности к немотивированной ревности, почему в своё время не подобрал жене подходящую работу, отвечающую её склонностям. Получалось, по отношению к ней он поступал подло, и всю жизнь старался не показывать жену своим коллегам, где бы он ни работал.

Пятнадцать лет назад, став председателем райисполкома, он избегал общественных банкетов, праздничных застолий, на которых с жёнами собиралась вся городская элита. А на его счёт кое-кто даже пробовал шутить, дескать, рак отшельник. Но Николай Сергеевич предпочитал хмуρο отмалчиваться...

Однако иногда складывалась такая обстановка, что не участвовать в банкетах он просто не мог, и того требовали дела. Нельзя было сослаться на какую-либо особую занятость, когда из областного центра приезжали высокие гости. Тут уж поневоле не увильнёшь, Николай Сергеевич выпивал строго в меру, поскольку знал: чем больше пил, тем его язык становился непослушным. Другие хмелели и шутили без умолку, а Николай Сергеевич будто немел. И сам про себя немало дивился этому казусу, а потом привык. Впрочем, его речевой аппарат был так удивительно устроен, что даже от умеренной дозы спиртного, раньше времени отключался, наверное, чтобы не наговорил лишнего, и что уберегало его от чрезмерной болтливости, какой поддавались во хмелю отъявленные молчуны...

«Если мать уже спасти невозможно, – рассуждала Людмила, – то авторитет отца необходимо сохранить в интересах семьи».

Наташа однажды как бы, между прочим, обмолвилась, что отцу нужна такая женщина, как учительница географии Анна Севостьяновна. Людмила тотчас оторвалась от книги и внимательно, с удивлением, посмотрела на сестру, всерьёз ли она говорит или просто шутит? Что же тогда станет с их несчастной матерью, она окончательно сойдёт с круга. Конечно, Анну Севостьяновну, Людмила знала. Она действительно своим честным отношением к работе и даже чертами характера, была близка отцу...

– А что будет с матерью, ты подумала об этом? – спросила Людмила.

– Ты у нас сильная, волевая, займёшься её перевоспитанием... – изрекла сестра.

– А ты на что?.. Неужели готова бросить мать, которая нас воспитала, и с лёгким сердцем сосватаешь отца за любимую учительницу? – в оторопи бросила старшая сестра.

– Как и отец, я не хочу позориться с падшей матерью, которая погубит его. Ты хорошо это знаешь, а сама делаешь вид, что тебя это не волнует, нервно, почти запальчиво бросила младшая сестра.

– Ты не сердись, дорогая, верно, положение отца надо срочно спасать. Но бросить мать, как вышедшую из употребления вещь, нельзя, Наташа милая.

– А мы её не бросим, изолируем. Есть хороший выход. Давай пригласим бабушку? – предложила она.

– И ты думаешь, что она похвалит нас за это? – с лёгким укором посмотрела Людмила.

– Чтобы она узнала, мы позовём её в гости, она поживёт у нас и сама увидит, чем она занимается, во что превратилась её дочь...

– А ты уверена, что ей ничего неизвестно?

– От кого, если отец запрещал говорить. Он боялся, что бабушка обвинит его в том, какой стала её дочь.

– Думаешь, мать к бабушке забыла дорогу?

– Нет, конечно, к ней она ездила только в трезвом виде.

Людмила решительно отложила книгу, предложение Наташи её заинтересовало. Она поднялась из-за стола и начала расхаживать, скрестив на груди руки, от стола до окна и обратно. Её юбка выше колен открывала стройные, полные ножки.

Был весенний вечер, отца ещё не было с работы, а дочери обсуждали и выстраивали его будущее, словно так, будто решался важный государственный вопрос, от которого зависела судьба не только его одного, а также матери, потерявшей вконец всю меру приличия...

Зазвенел дверной звонок, Людмила быстро пошла в переднюю. Открыла, на пороге стояла мать. Вот и сейчас она заявила домой растрёпанная, неряшливая, замызганная, а такой ли уходила к своим подругам и друзьям?

Естественно, девушкам тоже порядком надоело смотреть на её выходы. Разве она не позорит их, своих дочерей, чего доброго молодые люди из приличных семей будут относиться к ним неуважительно? Об этом первой заговорила Наташа и вызвалась серьёзно поговорить с матерью, чтобы она сама развелась с отцом. Довольно уже мстить ему за изуродованную жизнь, пора освободиться от стягивающих пут и попробовать начать жить отдельно друг от друга.

В пьяном виде говорить с матерью было бесполезно. И разговор отложила наутро.

На следующий день Галина Егоровна долго спала, разговор опять отложили до вечера. Лично Людмила уже неоднократно выслушивала жалобы матери, что из добропорядочной женщины отец превратил её в бездушную машину. Вот почему своим пьянством она восстала против него. А ещё, будто бы у отца была любовница, у которой подолгу пропадает, вот поэтому долго задерживается на работе. И по воскресеньям к ней уезжает? Пусть найдёт ещё такую же дурочку, которая ему безоговорочно верила, как она...

Прокрутив в сознании воображаемые ответы матери, Людмила облегчённо вздохнула. Как бы Галина Игоревна не винила Николая Сергеевича, она попала под влияние околтелой своры. От дельцов она получала какие-то средства на свои увеселения. Галине Егоровне говорили, что у них так заведено, а когда-нибудь она вернёт долг, без этого им нельзя хорошо ладить...

Настал момент, когда Николай Сергеевич был вынужден передоверить семейный бюджет старшей дочери, которая на своё усмотрение, если мать выходила из запоя, выделяла ей деньги. А потом стала отказывать в доверии, поскольку уже не раз случалось, когда выданные на продукты деньги, она пропивала.

– Вот и готовьте сами, и ходите по магазинам, и убирайте квартиру, а я вам больше не домохозяйка и не домработница! – кричала иступлённо Галина Егоровна. – Как будто только я проматываю деньги. Да у меня на вино есть свои!

– Где же ты берёшь, мама? – поинтересовалась Людмила.

– Добрые люди ссужают, не то, что вы! – возмущённо качала та головой, а глаза при этом нервно и злобно блестели, словно перед ней была не дочь, а мошенница.

– А чем долги возвращаешь?

– Бессрочная ссуда, да, беспроцентная! Люда, если хочешь знать, могу вернуть, а могу... – она не договорила, резко, отчаянно махнула рукой, посмотрела на дочь с застывшей в глазах болью.

Людмила перехватила её взгляд, начиная что-то понимать.

– Да о чём ты говоришь? Где же в наше время есть такие добрые люди? – недоверчиво переспросила дочь, подозревая, как бы мать уже не стала заговариваться или её действительно впутали в какие-то махинации.

– Уж, всё тебе скажи, Людочка, не-ет, так не пойдёт, потом спать не будешь, – в насмешку проговорила Галина Егоровна, и помахала, небрежно поддразнивая рукой, затем отвернулась и закурила сигарету...

Вечером, вспомнив этот давний разговор с матерью, Людмила с ходу пошла в её комнату посмотреть, что делала мать. Наташи ещё не было из школы, где преподавала историю.

Галина Егоровна что-то искала в плательном шкафу, изрядно покачиваясь из стороны в сторону. Она не услышала, как вошла Людмила и наблюдала за ней. Из запоев мать, разумеется, выходила, постепенно трезвея, а потом становилась молчаливой, чувствуя перед дочерьми свою вину. А ведь на самом деле она уже давно притупилась, и ей уже было всё безразлично. Правда, на мужа она продолжала таить застарелую обиду. В дни протрезвления она почти не выходила из дому, отключала телефон. Людмила уже знала, что теперь матери можно доверить деньги. Но стоило той прийти домой выпившей, как ларчик снова закрывался. Это могло произойти после выхода из запоя через неделю, а то и через три, в зависимости от её настроения, и тех, кого встречала на улице. А бывали и такие, кто не хотел выпускать мать из-под своего влияния...

Людмила уже изучила все повадки матери, стоило сейчас затронуть Галину Егоровну, как она могла снова жаловаться на отца, и даже впасть в истерику. Поэтому лучше промолчать и незаметно уйти. Конечно, так жить больше нельзя, завтра надо поговорить с ней и с отцом...

По своему обыкновению Николай Сергеевич приезжал домой поздно и как всегда донельзя усталый, хмурый, неразговорчивый, о матери ничего не расспрашивал. Но о её поведении Людмила сама ему докладывала.

На этот раз Николай Сергеевич буквально с порога спросил о том, где мать. Людмила не без удивления ответила, что она, должно быть, спит. По тону отца она тотчас догадалась, что о ней он спросил неспроста. Она вопросительно, полная тревоги, в ожидании худшего уставилась на Николая Сергеевича, готовая уже поторопить отца, чтобы тот наконец заговорил:

– Люда, – начал взволнованно он, – я сегодня должен был подписать один документ, который не я обсуждал, а наша дражайшая матушка с какими-то тёмными личностями...

– Не понимаю, о чём ты говоришь? – деланно удивилась Людмила, которая догадывалась о тайной деятельности матери, но отцу боялась говорить. А теперь он всё знает, и может уличить её в укрывательстве Галины Егоровны. – Давай-ка поужинай, а потом поговорим, – предложила она.

– Да, ты, пожалуй, права. Я, наверное, порядочно устал, – задумчиво ответил отец. – И сегодня даже не обедал, – прибавил Николай Сергеевич, ценя чуткость дочери. Хотя он подозревал, что Людмиле что-то известно, а иначе она бы не перевела разговор в другое русло, не отвлекла его, а сама бы заинтересовалась. Впрочем, так может даже и лучше.

Людмила разогрела ужин, отец смотрел в тёмно-сиреневое окно. На его гладких скулах вспухали желваки, сходились к переносице брови и расходились, на лбу собирались и разглаживались морщины.

– Если нетрудно, принеси мой портфель? – попросил он, чуть погодя, когда дымившееся ароматным парком мясо с картошкой аппетитно щекотало обоняние.

Лет восемь-десять назад в холодильнике и в секретере серванта могло храниться несколько бутылок хорошего вина, водки, коньяка разных сортов. Однако из-за Галины Егоровны добрая семейная традиция прервалась. И с тех пор Николай Сергеевич был вынужден прихватывать бутылку в портфеле домой с работы, откуда он также брал папки с документами, с которыми иногда просиживал дома вечерами не один час, а то и за полночь.

Людмила, как послушная дочь, принесла портфель и молча поставила перед ним на стул. Ей не терпелось сказать, но воздерживалась, чтобы отец не пил на ночь глядя, неужели это так необходимо? Сколько он денег переводил на спиртное! Ведь порой отцу одной бутылки на день было мало. Неужели он, как и мать, уже не в силах обходиться без горячительного?

Но сейчас она понимала, что отец действительно чем-то сильно расстроен и хочет расслабиться. И она думала, что сбила у отца импульс к откровению, которым, впрочем, он и раньше не отличался. Но иногда под настроение он рассказывал Людмиле то, что его так беспокоило. А бывали такие моменты, когда от него невозможно было добиться и слова, хотя был нагружен информацией, которая требовала выхода. Но он молча переваривал её в себе. Дочь по-научному начинала разяснять, что в коммуникабельный век, шквал информации способен подавлять психику, затормаживать восприятие окружавшего социального поля, что приводит людей к стрессам и депрессиям даже у крепких духом людей. Вот почему отец прибегал к спиртному, осенило Людмилу, которое снимало напряжение...

И она стала рассказывать, как в институте среди студентов физмата бытовала традиция шуточного философствования по проблемам социальной и духовной жизни человека в современном обществе. С отцом она начала приблизительно такой же разговор, чтобы как-то расположить его к откровению, какое могло неожиданно найти на Николая Сергеевича. На работе произошло такое событие, которое потрясло отца, и он долго не мог его утаивать. Но она нарочно дала ему передохнуть и собраться с мыслями. Но она боялась себе признаться, что та правда, которая открылась отцу, её невероятно пугала...

И когда ужин был уже на столе, Людмила села напротив родителя. Николай Сергеевич откупорил бутылку коньяка и налил себе и дочери.

– Вот теперь, папа, мы можем поговорить по душам? – наконец предложила дочь, собравшись с духом.

– О чём? – рассеянно спросил Николай Сергеевич, подняв рюмку перед собой. – Ах, забыл... о документе... Но... это... думаю, уже не нужно... – выдавливал он из себя, криво хмурясь.

– Напрасно передумал, я тоже кое-что знаю, но боялась быть неправильно понятой...

– Что же ты знаешь? – удивился спокойно отец, он быстро выпил, взял снова бутылку, но она застыла под наклоном над хрустальной рюмкой, и наблюдал за реакцией дочери.

– Мать используют... против тебя. Больше такого нельзя терпеть! Я с ней завтра поговорю, что пора вам расстаться, – твёрдо отчеканила Людмила.

– И... Наташа так считает? – осторожно спросил Бобров, его лицо покраснелось.

– Да, папа, разговаривали. Она перешла все рамки приличия, уже дальше некуда. Мы не маленькие, у нас должна быть своя личная жизнь...

– Всё, Люда, довольно, я тебя отлично понял. Ты знаешь, кто использует мать против меня? Откуда тебе это известно? – спросил отрывисто, волнуясь, Николай Сергеевич. Он-то хорошо знал тех, зарвавшихся людей. Но зачем Людмила вмешивается в опасное дело?

– Неопровержимых фактов у меня, конечно, нет. Но мать говорила о деньгах, которые якобы получает в долг... И потом бывают дома незнакомые мне люди...

– Звонили доброжелатели! – в досаде махнул он рукой. – Давали понять, что её долги повесят на меня!

– Ясно, кто-то оплачивает её развлечения, она не понимает, чем это обернётся в первую очередь против неё...

– Теневой оборот давно уже налицо. Но им всё мало, давай ещё, о их проекте я знал и всегда был против него. Документ – это результат её времяпрепровождения. А мне дали понять, что я должен уйти в отставку. В противном случае могу оказаться втянутым в их грязную игру и сделаю взяточником, прикрывающим разгульную жизнь вашей матери. После всего этого... её мало убить. Я должен терпеть шантаж, запугивание? Ни за что! А кто пугает, тот сам боится. Я расскажу в райкоме, первый точно не с ними...

– И зачем, папа, подставляться, ты ещё не всё знаешь, о чём за твоей спиной они все думают.

– Тогда в обком поеду, до Москвы дойду! А с хамами и хапугами и жуликами —мириться ненамерен! – воскликнул Бобров, сверкнув глазами, сжимая до побледнения кулаки. – На войне было намного легче, враг был известен, а эти ходят под пиджаками в звериных шкурах... – наконец он выпил коньяк и стал молча закусывать...

Глава 9

...В последующие дни в семье Бобровых произошла, говоря современным языком, разборка. Николай Сергеевич допытывался у жены: кто её друзья? Галина Егоровна, как настоящая партизанка, хранила упорное молчание, или просила оставить её в покое. Николай Сергеевич запретил супруге куда-либо выходить из дому. Она, конечно, поняла, из-за чего на неё обрушился гнев мужа, и в свою защиту лишь отпускала короткие фразы. Наконец, было сказано, что с этого дня дальнейшее совместное проживание невозможно, он будет добиваться скорейшего развода. У Галины Егоровна от услышанного округлились глаза, и на секунду всё потемнело...

Бобров уехал на работу в тягостном, неприятном чувстве. Людмила также высказала матери ряд упрёков и посоветовала уехать к своей матери и прекратить подрывать авторитет отца.

– Это вы пошли на меня своим разговором! – закричала Галина Егоровна, полная отчаяния. – Да, вы... нелюди, вам нужно только положение, слава, почёт, а человек вам ничто, козявка, которую легко раздавить!

– Ах, перестань, мама, нести вздор, сколько раз тебе говорили! А ты не ведаешь, что творишь, ты не признаёшь свою вину, ты предала отца!

– Я его не предавала? Это он меня! Если бы, Люда, ты знала, какой он самодур! – она отчаянно покачала головой, – Меня он ревновал к каждому столбу. Я была с ангельской душой, наивная, непосредственная. Вот как вы сейчас, а он... Он отравлял мою душу придирками, топтал моё достоинство, как половую тряпку. Так сколько я должна была терпеть и сносить спокойно его тупую деспотию?

– Мама, всех нюансов ваших отношений, я не знаю. Отца я не защищаю. Но почему ты не понимаешь, что против него настроила весь город?

– Да это неправда! С ним ничего не случится... Меня друзья очень ценят, любят, по крайней мере – уважают! С ними я почувствовала себя счастливой, со мной они считаются. Если хочешь знать – женщиной почувствовала... Я бы давно могла его оставить, да вас, малышек, пожалела...

– Мама...

– Люда, не перебивай, дай выскажусь в последний раз! – оборвала окриком Галина Егоровна. – Да, я подлая, но я женщина. Отец этого не понимает, он привык мной помыкать и командовать... Всё лучшее я отдавала вам! А вы этого не оценили. Вам всего дороже авторитет отца, а я уже не нужна? – она заплакала.

– Мама, не путай одно с другим. Ты себе отчёта не отдаёшь, что сделала, какой моральный урон отцу нанесла...

– Это всё красивые слова. Что ты, Люда, знаешь? На его худосочной честности счастье не построишь! Ну чего ты за его авторитет вшивый ухватилась, как за манну небесную. Ты ещё жизни не видела...

Людмила молча смотрела на мать и поняла, что у неё, наверное, была всегда такая позиция. В душе она соглашалась с матерью, что так сейчас думают большинство. Но только некоторые притворяются, с трибун говорят правильные слова о справедливости и заботе о народе, а на деле поступают совсем наоборот. Но таких, как отец, раз-два и обчёлся, они истинные фанаты своего дела. В современной жизни, наверное, как никогда в большом ходу высокая приспособляемость во всех слоях общества. Поэтому всем не нужны идеалы Бобровых, так как поражены микробом коллективного эгоизма. Негласная двойная мораль правит обществом, исповедуемая двурушниками, приспособленцами и карьеристами, которые только прикрываются добропорядочностью. А сами жульничают и воруют.

– Хватит, мама, зато я уверена, что так, как делаешь ты, порядочные женщины с ангельской душой не поступают, – тоном отповеди проговорила Людмила.

Галина Егоровна, чтобы вызвать у родных к себе жалость, заплакала навзрыд, закрыв ладонями лицо.

– Ты жестокая, как и отец, из всего делаешь проблему, а на чувства мои тебе наплевать! – сквозь рыдания прорывались слова, полные скорби, обиды и безудержного страдания.

Мама, если ты уверена, что пить начала по вине отца, то ещё не поздно вам восстановить добрые прежние отношения.

Галина Егоровна, опустила голову, и в досаде медленно ею покачала.

– Видишь, как далеко зашло, ты его люто ненавидишь, мстишь ему. Тогда легче всего начинать жить заново, но уже отдельно ему и тебе. Докажи отцу, что он тиранил и сковал твои возможности?..

– У меня для этого нет профессии? Зато я могу налаживать деловые связи. Но тебе не жалко, что я уйду? – спросила она, немного успокоившись.

– Другого выхода просто нет. Сейчас браков много распадается. Вы будете не исключение, мама...

– Наташа тоже так считает? – жалобно спросила Галина Егоровна. – И, конечно, вы останетесь не со мной, – обречённо махнула она рукой, при этом в её ожидающем взгляде, полном мольбы и скорби, блеснул испуг, что от неё немилосердно отрекаются дочери, как от прокажённой.

– Мама, извини, но нам за тебя стыдно. Тебе достаточно этого? Но мы от тебя не отказываемся, мы тебя по-прежнему любим...

– Да? Спасибо, хоть на этом. Куда же я должна уйти, неужели не претендую на часть этой квартиры?

– Разумеется, но бабушка живёт одна, а ты о ней совсем забыла...

– Я забыла, а вы на что же? Хорошо придумали! Не бойтесь, что люди станут думать: мать изгнали из дому? Ещё камнями забейте, как библейскую грешницу?

– Мама, это ничуть не хуже того, что сейчас говорят о вас с отцом разные небылицы и были...

– Меня бесполезно обсуждать. Отсюда я не уйду пока отец не предоставит мне жилплощадь... – крикнула она.

– Ты хорошо знаешь, что на такое условие он не пойдёт!

– А почему я должна терять то, что здесь мне по праву принадлежит? – возмущённо крикнула Галина Егоровна. – Просто вы алчные, готовы меня лишить последнего...

– Да нет же, но у бабушки, живущей в старинном доме, большая двухкомнатная квартира.

– Ну так что же, завтра отец приведёт женщину. Как это будет называться, он правильно поступит?

– Ему, наверное, тоже нелегко ломать устоявшийся семейный уклад, но коли так получилось ты уж не обижайся. В том, как вы жили – хорошего тоже мало, сплошной кошмар...

– Почему он ни разу не поговорил со мной нормально и в душу не заглянул? Не растрогал так, чтобы всё внутри затрепетало и вызвало бы воспоминание о самых лучших наших днях? Вместо душевного участия – одни упреки, на какие и вы мастерицы, как тут не запить? Но ведь я вовсе не беспутная! – с душевной болью вырвалось у неё и слёзы снова потекли. – Если очень захочу, то и пить брошу... Ах, никому я не нужна, и друзья тоже пока друзья, пока отец у власти, а как уйдёт – все его оставят, знаю я это, знаю! – покачала сокрушённо она головой.

– Мама, понимаю твои чаяния, что мы не умеем общаться, это, к сожалению, верно. Но у отца такая ответственная работа, такая огромная моральная, психологическая нагрузка! Естественно, с него вина не снимается, он жестковатый. Наверное, мужчины все такие...

в любом возрасте. Редко встретишь по-настоящему сильных и душевных, принципиальных и нежных.

– Слава Богу, ты ещё не хлебнула такого липового счастья. Зато сердцем понимаешь. Я же скажу от себя. Избегай мужчин похожих на отца. Хотя все они эгоисты. – Галина Егоровна отвернулась, махнула рукой, вспомнив непристойную выходку знакомого мужчины, потом в досаде рукой взялась за лоб.

– Мама, возможно, ты по-своему права. Но мне пора в институт...

Галина Егоровна подняла руку, слабым движением отмахнулась, дескать, ступай, не держу. Потом она только слышала, как за дочерью тихо притворилась дверь. Сейчас она пыталась восстановить в памяти весь разговор, а именно что говорила Людмила относительно того ближайшего события, которому они были готовы её подвергнуть. Всё уже заранее решено, как по приговору суда, не подлежащему отмене. Людмила защищала отца, вот что ясно, как горькое вино. Галина Егоровна с трудом припомнила слова дочери: «Сейчас много расходятся, или распадается браков и вы с отцом не исключение. Ты отца ненавидишь, ты ему мстила». Выходило, что дочери давно всё обдумали и обсудили, они дорожат репутацией отца, а то, что мать гибнет по его вине, это они отвергают, как недоразумение. Им легко отказаться от матери, чем признать отца виновным во всех её несчастьях. Людмила старалась её уговаривать, с холодным расчётом выпроваживала к бабушке, будто у неё уже больше нет никаких прав в этой квартире. И хоть не сказала, что таким конченым пьяницам, как она, мать, лучше не жить.

От сознания этой горькой мысли, Галина Егоровна машинально закурила и сокрушённо покачала головой, поднося сигарету к губам в такт своему степенному покачиванию. Вот и дожилась, что отныне дочери не хотят видеть рядом мать. На душе было бесконечно тяжело. Однако оправдывать себя не хотела, видно, такая у неё несчастливая судьба, поделом ей досталось. А ведь всё в руках самого человека. Он только и может влиять на свою судьбу. Но как это делалось, она совершенно не ведала. Ведь хорошо понимала, что взялись за неё дочери – вершители её дальнейшей судьбы? Конечно, зачем им увядшая мать, главное, они молоды, вступили во взрослую самостоятельную жизнь, им пора обзаводиться кавалерами, у Люды, наверное, уже имеется кто-то, потому не стала терпеть пьяницу мать, ей стыдно за неё перед женихом. Наташа всегда больше к отцу тянулась, а чем же он таким к себе притягивал её, ведь он с обеими мало общался? Разве что иногда помогал уроки делать, они считали его большим человеком. Но вырастила дочерей она, мать, за что вот такая «награда», такое неблагодарное отношение, словно к скотине какой. Будь они все неладны! «Господи, прости, не хочу проклинать моих девочек. Но чего же ты меня от гибели и растления не уберёг, вверг, как в пучину огненную – печально, покаянно, с мягкой укоризной роняла она слова, отчего глаза вновь наливались слезами...

Галина Егоровна глубоко вздохнула, затянулась сигаретой жадно раз три и вдавила её в пепельницу. Ей самой до чёртиков в глазах опротивела такая несобранная, расхристанная жизнь, какую она безвольно, но с радостью ложного обновления впечатлений вела несколько лет. К тому же на ней лежала несмываемая вина того, что уже была не раз грешна перед мужем не только телом, но и душой, потому как узнавала от него некоторые сведения по его работе, так и передавала теневым дельцам. Все они были руководители предприятий, промторгов и продторгов, частные торговцы на рынках, строители-шибай, и такие люди, о которых мало что знала и чем они конкретно занимались. Собственно, говоря, от мужа она редко что могла добиться. К примеру, выбить разрешение на право работы по договору шибаям. Зато в её распоряжении были его деловые бумаги, которыми набит портфель. Но иногда Николай Сергеевич подвергался её расспросам...

При швейной фабрике открывались цеха по новым технологиям пошива ширпотреба, экспериментальная лаборатория, изучавшая спрос покупателей на ту или иную модель и шила пробные модели. Тогда это было новинкой. В районе открывались дополнительные автомати-

зированные линии по разливу вина, пива и водки. Благоустройством дорог занимались самостоятельные бригады шибайёв, равно как и в строительных отраслях. И на всё надо было заполучить разрешение через председателя райисполкома или его помощников. На рынке заезжие торговцы просили постоянно закреплённые за ними места, а кто-то просил место под строительство пивбара, небольшого кафе, забегаловки просто установить бочку для продажи пива или кваса...

Всех этих деловых людей с замами связывала незаконная нажива. Галина Егоровна зная превосходства супруга, что он органически не терпел протекционизма, прозрачно его замам намекала, что Николай Сергеевич сильно загружен работой, поэтому должны выполнять его прямые обязанности, как того велят обстоятельства. Больше всего она обращалась к заму по благоустройству и торговле, к которому быстро подобрала ключик, что бы Никита Олегович понимал её буквально с полуслова. Сначала, конечно, у него срабатывала защитная реакция, а что если Галина Егоровна просто вздумала прозондировать помощника мужа на предмет, так сказать, личной преданности шефу?

Но в то же время он был немало наслышан о жене Боброва, участвовавшей в тайных банкетах всей городской верхушки, которую, некоторые полагали, она ловко использовала с каким-то своим дальновидным прицелом. Причём её присутствие на гульбищах держали в секрете, чтобы Бобров не прослышал о супруге пикантные выходки. Впрочем, иные дельцы воспринимали её даже как полпреда, представлявшего мужа, нарочно избегавшего шумные сборища, придерживаясь какой-то допотопной морали, и при этом сознательно нарушал партийную этику, то есть кастовость...

Итак, Никита Олегович, рассеяв подозрения относительно деловых качеств Галины Егоровны, брался пробивать её предложения, полученные ещё от кого-то. Если бы кто другой просил, то он бы ещё подумал, надо ли рисковать ради сомнительного дела. Он побаивался сурового преда райисполкома. Ведь сама жена шефа просила об услуге, тогда надо непременно уважить. Она, похоже, знает что делает. Только непонятно, зачем за спиной мужа затеяла поручить районом?

Но потом ему позвонили, чтобы неукоснительно выполнял все её поручения. Причём ему перепадали вознаграждения. И Никита Сергеевич догадался о затеянной игре Галины Егоровны против своего мужа, сумевшей для этого опасного дела втянуть в него с расчётом зама. Затем тонко намекнула, что Бобров скоро уйдёт, а его место непременно займёт он, Никита Олегович. Перспектива была соблазнительна, а жена шефа душа, а не человек.

Глава 10

Хотя Наташа Боброва и жалела мать, но вместе с тем она понимала, что больше не могло так продолжаться. Необходимо предпринять срочные меры по удалению матери от отца. И она поехала к бабушке Антонине Алексеевне, работавшей когда-то учительницей математики. Но теперь она была давно на пенсии и жила в одиночестве. Иногда её навещали дети: сын и дочь, хотя со временем это делали всё реже. Зятя она не любила, как большинство тещ, считая его замкнутым и высокомерным. К дочери со временем тоже потеряла уважение за приобретённую порочную склонность. На внушек обижалась, что редко приезжали в гости. Когда их долго не было, ездила сама. Хотя понимала, что наступило такое время – повсеместного отчуждения людей, прерывающих родственные узы, когда все поглощены своими нескончаемыми делами, обрывающими старые привязанности к родным очагам и предкам...

Наташа позвонила в дверь квартиры на втором этаже. Вскоре послышались шелестящие звуки за дверью. Антонина Алексеевна впустила внучку, взглянув удивлённо на Наташу.

– Не волнуйся, бабушка, ничего трагического не случилось... – с ходу соврала она. – Просто я приехала тебя проведать, – поспешила она успокоить её, хотя сама вместе с тем прятала виновато глаза. И только сейчас Наташа почувствовала в душе безотчётную вину, что приехала не просто так.

– Ну, тогда проходи, да, чувствую, по делу примчалась. На Восьмое марта никто не соизволил показаться, открыточками отделались. А как на носу экзамены, так, пожалуйста? – в шутку и всерьёз произнесла Антонина Алексеевна. – Может быть, я ошибаюсь? — лукаво посмотрела на внучку.

– Бабушка, с экзаменами я сама сплывлюсь. Я хочу поговорить о маме...

– Продолжает куролесить, а говоришь, ничего не случилось? Или это уже в привычку вошло? Как в порядке вещей...

– Ты уже знаешь? А мы не знаем, что делать, как ещё влиять на неё. Отец переживает, а на лечение отправить – не хочет...

– Как же не знать, когда слушаю сарафанное радио! Значит, я должна поговорить с матерью? Почему отец раньше на работу не отпускал? Ты этого не ведаешь? Он поломал ей жизнь, а я была вынуждена молча смотреть на его причуду! Она вас воспитала, а теперь осталась не у дел. Вот и взбунтовалась так...

– Бабушка, мы это уже слышали... отец хотел как лучше, он же не нарочно? – оправдывала она родителя.

– Наташенька, что ты знаешь о нём, кроме того, что он ваш отец? – подумав, категорично изрекла старая женщина, махнув при этом сердито рукой.

– Он начальник всего района, а мама подрывает...

– Только и всего, а дома порядка нет! – резко перебила Антонина Алексеевна, зорко глядя на внучку. – Кого же она подрывает, не взрывник же она?... – прибавила она насмешливо.

– Бабушка, речь совсем о другом подрыве, подрыве авторитета. Мама сама виновата, что спуталась с какими-то людьми. А недавно у неё был приступ... белой горячки, таблеток наглоталась. Но ты не волнуйся, пожалуйста, всё обошлось благополучно... Она сейчас в больнице.

– Вот так ничего не случилось? – всплеснула она руками. – А чего же ты сразу не сказала? – округлила в изумлении серые глаза. – Что же на неё нашло? Белая горячка, говоришь, или тут всё намного сложнее? – пыливо спросила старая женщина.

– Жить надоело. Ей самой очень плохо... а у отца свои неприятности...

– Завтра я приеду и увезу её к себе. Вы этого от меня хотите услышать? – проницательно спросила она. – Я знаю, ваш отец, хоть и порядочный человек, но мать от дурного влияния

не уберёт. И мне сдаётся, очень давно она ему мешает. А вы тоже смотрите на неё, как на полумойку...

– Ой, ошибаешься, бабушка! Просто она слабовольная. Отец тоже стал, глядя на неё, много выпивать. Мы с Людой боимся, чтобы он тоже, как она, не спился...

– Наверное, ему влетело по партийной линии, что жена пьянствует, портит его репутацию? Это мне не ново, Наташенька, – махнула она рукой. – Договорим после, а теперь пообедаешь со мной, у меня борщ только что сварился.

– Да, запах вкусный, у тебя уютно, тепло, хорошо, а у нас в квартире сплошной кавардак и нам некогда – сдаём экзамены...

* * *

...Галина Егоровна в тот же день, после длинного разговора со старшей дочерью Людмилой, проанализировала всесторонне свои поступки, отношения к ней мужа и дочерей, они её ненавидят, все стали ею тяготиться, в её судьбе никому недосуг участвовать. Все ждут, когда она примет сама выгодное им решение, это было смертельно и страшно сознавать, как вокруг неё образовалась отвратительная и смердящая пустота, которая всё расширялась, поглощая предметы и людей, как в кошмарном сне...

По-видимому, другого выхода у неё просто не было, как уйти вслед исчезающему пространству. Добровольно отправиться в наркологический кабинет она не хотела. И отказаться от спиртного уже не видела никакого смысла, чем тогда заполнять свободное время? И это лечение способно освободить от алкогольной зависимости только на короткий срок. А что дальше: темнота, беспросветность, беспутность, добровольный ад?

Галина Егоровна достала из тумбочки упаковку сильно действующих таблеток против бессонницы, выдавила все на ладонь и одним махом проглотила целую горсть.

Через десять минут она почувствовала в голове свинцовую тяжесть, глаза набрякли, непроизвольно закрывались. И скоро началось головокружение, в желудке приятно припекало, словно к нему приложили горячую грелку, но никакой боли, никакого страха, она вовсе не испытывала, напротив, сознание погружалось как в туман, как заворачивалось в пушистый кокон. На душе становилось очень легко, безмятежно, как в невесомости, казалось, она куда-то погружалась, как в тёмный непроницаемый тоннель. И вот она стремительно скользит по нему, как по зеркально блестящему паркету. Больше она ничего не ощущала, сознание её покинуло...

Очнулась в больничной палате и долго не могла понять, а что же с ней приключилось, и как она здесь очутилась? Галина Егоровна увидела дочь Людмилу, но какое-то время почему-то её не узнавала. А потом вдруг ей стало себя очень жалко. Она не хотела встречаться глазами с дочерью.

– Мама, как ты себя чувствуешь? – спросила Людмила, испытывая перед ней свою вину, что в тот день была к матери неоправданно жестока.

– Зачем всё это? – почти сквозь слёзы выдавила Галина Егоровна. – Ах, лучше ничего у меня не спрашивай!..

– Была бабушка, она согласна взять к себе, – сказала дочь, понимая, что пока этого, наверное, не следовало бы говорить.

– Зачем умереть помешали? – плача спрашивала она, потому что действительность её уже не радовала, побывав в спокойствии там...

– Да о чём ты говоришь, мама? – испугалась Людмила, глядя на её абсолютно отрешённый, безразличный вид...

– Так для вас и для меня это было бы самым лучшим выходом, – пролепетала Галина Егоровна.

Глава 11

Анна Севостьяновна тогда ещё не подозревала, что скоро в её судьбе произойдёт важное событие, которое изменит всю её дальнейшую жизнь. Хотя была весьма далека от той мысли, что ею всерьёз увлётся председатель райисполкома Бобров, о котором лишь знала то, что его младшая дочь работала учительницей начальных классов. И вдруг от Натальи Николаевны последовало неожиданное приглашение на день рождения её отца, чему она была немало удивлена. Ведь с Бобровым она даже хорошо не знакома. Разве что во время ремонта школы он приезжал, и они коротко пересматривались, как это делают только одинокие люди. В тот же раз Наташа постаралась объяснить, что она очень уважает её и считает самой порядочной, поэтому хочет, чтобы Анна Севостьяновна познакомилась близко с их семьёй. Она растерянно пожала плечами и пообещала Наташе подумать.

Когда Анна Севостьяновна поделилась ошеломительной новостью с Валерией Александровной, подруга просияла, не скрывая своего радостного удивления.

– Вот и отлично, Аня! Вспомни, как Бобров зачастил приезжать в школу по твою душу? Так что тебе нечего теряться и что гадать – просто, думаю, он полюбил тебя!

– Ты серьёзно так думаешь? – сдержанно спросила Шелкова, полная сомнений.

– Конечно, тут и рассуждать нечего, ведь меня он тоже видел, а пригласил одну тебя! – вселяла уверенность подруга.

– Но что же мне делать? – улыбнулась сдержанно она.

– Ты ещё спрашиваешь? – качнула подруга головой. – Ступай смело! Хороший шанс судьба вручает, так что не упускай, – воскликнула несколько наигранно Валерия. – Я бы на твоём месте от него ни за что не отказалась!

– От Боброва? – поразила её та.

– А что, крепкий мужик! Голова района. Давно холост, ты же слыхала его историю?

– Но не с должностью ведь жить, а с человеком, который старше меня, наверное, лет на пятнадцать или больше? Да и что я знаю о нём, может, ты меня просветишь?..

– Вот сходи и раскуси, с чем его едят! – весело засмеялась Валерия, вся светясь игривыми глазами.

Шелкова уже привыкла к своему положению матери одиночки и перестала ждать от судьбы милостыню. В тот день, как Наташа пригласила к ним в гости, она долго размышляла, прилично ли войти в дом к малознакомым людям?

Анна Севостьяновна не страдала комплексами, и всё же опасалась попасть в смешное положение. Даже после того, как подруга развеяла все её сомнения, она даже и представить не могла, что её там ждало, и какой интерес она вызывала у Боброва. Но то, что это был не простой интерес районного чиновника, в этом можно было не сомневаться. Шелкова старалась не думать о том, что между Бобровым и ею была огромная разница в возрасте. И нечего зараннее волноваться, может, на этот раз он ей разонравится. И она себя уверяла, что поедет к Бобровым из уважения к Наташе. И она перестала беспокоиться...

Накануне поездки в город Шелкова припомнила, как директор Шпалин познакомил её с Николаем Сергеевичем, и теперь была убеждена, что это знакомство носило не случайный характер. В тот раз она посмотрела на Боброва несколько отстранённо, занятая своей работой. Он не произвёл на неё особенного впечатления, если бы она знала, как будут дальше развиваться их отношения, она бы к нему присмотрелась, что он из себя представляет. Хотя и так было ясно, что Николай Сергеевич, как её бывший муж, не отличался внешними данными. Она запомнила напряжённое лицо, плотно сжатые губы, и как в голубых глазах вспыхнул огонёк, робкого к ней любопытства? И она думала, что его пугала её молодость...

На второй день, как её пригласили на день рождения, она обещала Наталье Николаевне приехать. Отказываться, говорят, нельзя, этого требуют правила учтивости. Хотя её всё ещё одолевали сомнения, верно ли она поступит, если придёт туда, где её ожидали смотрины? Для этой же цели он затеял свой день рождения. Так прошла неделя. И она решилась...

В субботу с дочерью Милой Анна Севостьяновна поехала к Бобровым.

В большом зале за накрытым белой скатертью большим банкетным столом уже сидели именитые гости. Застолье, видимо, только началось. Шелкову гостям представляла Наташа, очень нарядная. Среди пожилых гостей был единственный молодой человек в светлом костюме, с хорошими, приятными манерами. Наташа села рядом с ним. Застольем стал распорядиться грузный мужчина в тёмном костюме с седеющей шевелюрой. Кроме него было ещё трое не менее представительных чиновников со своими чопорными жёнами, смотревшими на всех этак нарочито свысока.

Бобров, как виновник торжества, сидел во главе стола, его суховатые щёки заалели, как только Анна Севостьяновна в шёлковом платье села на указанное Наташей место ближе к самому имениннику. Но у неё и самой, оттого, что пришла к ним старшая коллега, слегка покраснели щёки и заблестели глаза. Шелкова испытывала на себе взгляды нарядных с высокими причёсками женщин, и учтиво им поклонилась. Те сдержанно заулыбались и смотрели на дочь Милу, которая рассматривала всех украдкой, боясь пошевелиться. Затем перевела взгляд на мать, желая спросить, есть ли тут её ровесники, поскольку среди взрослых ей будет скоро скучно находиться? Но та пожала плечами, улыбнулась дочери, подав ей яблоко...

Мила была прелестной девочкой: светловолосая, рослая, она почти ничем не повторяла свою мать, разве что во взгляде, таком же умном и умевшем наблюдать, угадывалось несколько её черт...

В таких случаях праздничное застолье начиналось с поздравительных тостов в честь именинника, затем гости пили спиртные напитки, которые красивыми этикетками украшали стол, уставленный закусками и яствами, и угощали ими друг друга. Оказывается, они ждали её и только теперь приступили к приятной трапезе, перебрасываясь шутками. Бобров увидел тайный знак дочери, и он быстро поднялся, чтобы поухаживать за Шелковой. Ведь на это ему намекала дочь. И Николай Сергеевич, улыбаясь широко, говоря комплименты, стал предлагать закуски, и первой положил салат оливье Миле, затем Анне Севостьяновне, которая благодарила и говорила, что справится сама...

Когда выпили и закусили по второму разу, женщины и мужчины затаили всем известные песни тех лет. Наташа включила магнитофон, желающие выходили не столько танцевать, а сколько размяться и покурить. И она пошла со своим кавалером, и мужчины со своими жёнами. И Николай Сергеевич, осмелев, приглашал Анну Севостьяновну. Лишь одна Мила сидела одиноко, повернувшись лицом к танцующим, наблюдала за ними, аккуратно кусая большое красное яблоко и переводила взгляд на стену, где висели картины, которые изображали лесные пейзажи, речку и лужайки...

После танцев снова усаживались за стол, наполнялись рюмки, произносились шутливые слова, раздавался весёлый смех то мужской, то женский. И казалось, время тянулось бесконечно, от выпитой водки у Анны Севостьяновны слегка кружилась голова. Хотя она пила после каждого тоста понемногу. Среди незнакомых людей она чувствовала себя не очень уютно, потому приходила неожиданно странная мысль, зачем она сюда пришла? Когда танцевали, Бобров почти молчал, лишь похвалил её платье светло-лилового тона, как оно замечательно ей подходило, и похвалил дочь. А под конец сказал, что счастлив, судьба окружила его дома одними женщинами. Но этим обстоятельством он не тяготился, хотя казалось, он что-то недоговаривал. Конечно, Анна Севостьяновна уже была наслышана от Валерии о том, что Бобров с женой давно в разводе, что он снискал в районе репутацию честного порядочного человека.

Чем дольше продолжалось застолье, тем больше она укреплялась в мнении, что день рождения походил на смотрины, от благоприятного исхода которых сейчас зависела вся их дальнейшая судьба. И, казалось, что и все гости думают почти так же, как она, а иначе не бросали бы на неё красноречивые взгляды, наполненные показным дружелюбием и душевностью, что отныне судьба хозяина зависит от того решения, какое сегодня примет она. Временами она чувствовала себя как бы запятнанной взглядами и залапанной руками. Николай Сергеевич старался ухаживать за ней и дочерью с подчёркнутым душевным вниманием, выказывая своё щедрое гостеприимство добрейшего хозяина, предлагая то одно блюдо, то другое. В свою очередь Анна Севостьяновна отнюдь не скупилась на радушные улыбки, а подобострастные знаки внимания со стороны хозяина, конечно, ей очень льстили, чего в её жизни давно уже не было, если не считать школьных застолий по случаю того или иного праздника или юбилея. Но там были исключительно свои люди, а здесь – чужие, правда, не считая Наташи. По всей видимости, они неплохие люди, и никакие-то там обыкновенные работяги. Один был полковник, второй – начальник цеха, третий – мастер на стройке, четвёртый – врач, а их жёны занимали тоже какие-то мелкие должности в учреждениях и организациях. Мужчины охотно рассказывали смешные байки, анекдоты, женщины тянули задушевные песни.

Наташа, на правах хозяйки, со своим кавалером уходила на кухню, подносила свежие закуски, ставила напитки и уносила пустые тарелки и бутылки. Её лицо неизменно светилось всегда готовной улыбкой и добросердечием.

Николай Сергеевич, наклонялся в сторону Анны Севостьяновны и рассказывал ей о своих боевых товарищах, как в годы войны они вместе партизанили. В свой черёд она тоже упомянула про своего отца, который воевал, имел много боевых наград. К её изумлению, Бобров немного его знал, он был в другом отряде и боевые пути их пересекались...

Веселье продолжалось, разбавляясь умными разговорами, далёкими от повседневных забот, что создавалось впечатление, будто гости достигли редкого взаимопонимания, потому всем было жалко расставаться.

Но вот наступало время, когда иссякали улыбки, уставали признательные взоры. Всё было рассказано и выслушано, когда уже все были сыты, под лёгким приятным хмелем, добродушны и довольны друг другом. И за всем этим просматривалась усталость, и крепнущее желание удалиться восвояси от глаз посторонних. Это же самое чувство испытывала и Анна Севостьяновна, а дочь откровенно маялась. Милу уже никто и ничто не интересовало, а только хотелось поскорее уехать домой. Вот и гости стали прощаться с хозяевами, все друг друга благодарили за доставленное обоюдное удовольствие и после рукопожатий потянулись к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.